

Хозяйка старого дома

Автор:

Лена Обухова

Хозяйка старого дома

Елена Александровна Обухова

Городские легенды #1

Рядом с подмосковным городом стоит старая, полуразрушенная усадьба, по которой, как говорят, бродит призрак Хозяйки. Хозяйка не терпит вторжения на свою территорию, но Юля с друзьями легенду усадьбы не знали, а потому провели там веселый вечер. Вскоре одну из ее подруг находят мертвой в той самой усадьбе, сама Юля начинает чувствовать чье-то пугающее присутствие рядом, а новый сосед проявляет неожиданный интерес и к ней, и к убийству. Сможет ли она разобраться в происходящем прежде, чем Хозяйка старого дома придет за ней?

Лена Обухова

Хозяйка старого дома

Некоторые места становятся плохими, потому что в них случилось что-то плохое, а другие плохи сами по себе...

«Город мертвых отражений»

Пролог

6 июля 2016 года, 21:40

Усадьба Грибово, Московская область

– А здесь точно можно разводить костер? – поинтересовалась Ира, когда от мелкого хвороста уже занялись деревяшки покрупнее и огонь стал более или менее устойчивым.

Макс, занимавшийся костром, выразительно посмотрел на нее исподлобья, мол, очень своевременный вопрос. Юля, сидевшая рядом на каком-то перевернутом ящике, бог весть откуда здесь взявшемся, только поежилась, поднимая глаза к темнеющему над их головами потолку.

Ее больше заботил вопрос: можно ли вообще здесь находиться? Не рухнет ли старое здание, много на своем веку повидавшее, погребя их под собой? Но спрашивать об этом стоило до того, как они сюда пришли, а потому она промолчала. Витя сказал, что они часто тут собираются, и никого до сих пор не пришибло, значит, здесь достаточно безопасно.

– А тыкву ты на фига притащила? – вдруг хохотнул Витя, едва не подавившись пивом, которое отхлебывал, естественно, прямо из горлышка бутылки.

Все моментально повернулись к Моте, как раз вытаскивавшей из объемной матерчатой сумки тыкву, страшно скалящую зубастый рот. Прежде, чем Юля успела поинтересоваться, где подруга взяла тыкву в июле, она поняла, что та пластмассовая. Видимо, была куплена по случаю ближе к Хэллоуину в прошлом или даже позапрошлом году.

Мотя – миниатюрная блондинка с самым пустым и бессмысленным взглядом, какой Юля когда-либо видела – только хлопнула глазами.

– Так ведь праздник мертвых, разве нет?

Витя прыснул и пробормотал что-то вроде «вот дурында», но Макс метнул на него свирепый взгляд, и он примирительно вскинул руку, мол, я ничего такого не говорил, тебе послышалось.

– Коть, Иван Купала – это не праздник мертвых, – пояснил он подружке, с которой встречался последние три месяца. – Этот праздник связан с летним солнцестоянием.

Мотя пару раз двинула челюстями, перекатывая по рту жвачку и выразительно глядя на Макса.

– Ты сам сказал, что Хэллоуин – это пришлый праздник, который нам навязывают американские сатанисты, а Иван Купала – это такой же праздник, но наш родной. Так?

– Да, но...

– А Хэллоуин – это праздник мертвых. Значит, Купала – это тоже праздник мертвых. В чем я не права?

В ее вопросе послышались раздражение и вызов. Теперь уже хихикнула и Ира, обменявшись взглядами с Юлей. С логикой Моти не поспоришь, да никто и не стал бы: она ужасно злилась, когда чего-то не понимала. Не понимала она часто и совершенно не желала слушать чьи-либо аргументы, а потому окружающим обычно было проще согласиться с ней, чем спорить.

Вот и сейчас Юля тихо пробормотала, не желая разжигать конфликт:

– Да какая разница? Там разгул нечисти, тут разгул нечисти. Не все ли равно, по какой причине?

Ира фыркнула, закатив глаза, Витя покачал головой, снова прикладываясь к бутылке, а Макс махнул рукой, поднимаясь с пола у окончательно разгоревшегося костра и отряхивая руки.

– Ну, в общем-то, ты права.

Мотя приняла его слова на свой счет, а потому победно улынулась и торжественно поставила пластмассовую тыкву рядом с собой, предварительно щелкнув выключателем, зажегшим внутри маленькую лампочку. Зловещее лицо вспыхнуло дьявольской подсветкой, заставив Юлю поморщиться.

В магазине или обычной городской квартире подобный китайский ширпотреб даже в тематическое время не производил на нее впечатления, но здесь, за городом, в старой полуразрушенной усадьбе с обшарпанными стенами и выбитыми окнами да после заката, когда небо еще светлеет, а в домах по углам уже ползут пугающие тени, все воспринималось иначе.

Юля снова обвела взглядом помещение, в котором они устроились. Наверное, когда-то здесь был бальный зал или что-то вроде того: высокий потолок практически терялся в вечерних сумерках, огромного пустого пространства вполне хватало, чтобы сыграть в футбол, а во внешних стенах зияли огромные дыры, бывшие когда-то окнами.

Теперь уже трудно представить, что когда-то это место было богатым и роскошным, что здесь собирались женщины в красивых длинных платьях и мужчины в смешных костюмах и мундирах. Туда-сюда сновали слуги, обнося гостей настоящим французским шампанским, а приглашенные музыканты играли где-нибудь в уголке. Полыхал камин, ныне превратившийся в нишу для мусора, звучали голоса, шуршание вееров и приглушенный смех.

На несколько секунд воображение Юли так разыгралось, что она почти увидела это бывшее великолепие, вероятно, почерпнутое из какого-нибудь фильма, но потом звякнула пивная бутылка, которую Витя поставил рядом с собой. Он сидел прямо на полу, подстелив лишь какой-то старый грязный плед, нашедшийся в багажнике не менее старой машины Макса.

– Значит, Хэллоуин – это праздник американских сатанистов? – насмешливо переспросила Ира, глядя на Макса с плохо скрываемым высокомерием.

Она устроилась удобнее всех, прихватив с собой из дома маленькую складную табуретку. Кажется, с такими ходят на рыбалку. Видимо, позаимствовала у отца.

– Или просто Хэллоуин осенью, когда уже холодно и вот так не посидишь в атмосферной заброшенке, – хмыкнул Витя. – А денег на кафешку всегда не хватает и завтра на учебу, поэтому отмечать его – вообще никакого кайфа.

Макс снова бросил на друга недовольный взгляд, сопроводив его неприличным жестом, из-за чего Мотя глупо хихикнула. Она тоже достала из сумки бутылку пива, только поменьше и «женского»: со вкусом не то грейпфрута, не то лимона.

– Так к слову о городских легендах, – вернулся Макс к прежней теме, прерванной обсуждением костра и Хэллоуина. Вместе с тем он достал из рюкзака маленькую колонку, через которую собирался включить музыку со своего телефона. – Это истории типа такой. В одной квартире как-то ночью никому не давал спать звук капающей на кухне воды. Знаете, такое навязчивое и ритмичное «кап-кап-кап», которое вроде и тихое, но сводит тебя с ума и не дает уснуть? Так вот, сначала встал и ушел на кухню отец, но так и не вернулся, а звук не исчез.

Макс сделал драматическую паузу, но выдержать ее не удалось: колонка с телефоном как раз подружилась по «блютусу», и давящую тишину старой усадьбы, нарушаемую лишь треском костра, наполнил мерный бит и невнятный речитатив, в котором Юле удавалось разобрать почему-то только нецензурные слова.

– Тогда из кровати вылезла мать и тоже пошла на кухню, за отцом, но и она не вернулась, а вода продолжала капать.

С этими словами Макс вытащил из рюкзака бутылку пива, но тут уж Юля не выдержала и не смолчала:

– Эй, ты же за рулем!

Макс оскорбленно покосился на нее и демонстративно протянул бутылку Ире.

– Это для дамы. За кого ты меня принимаешь? Батя меня живьем в землю зароет, если я попадусь пьяным за рулем.

Юля смутилась и виновато пожала плечами. Надо было сразу обратить внимание на то, что пиво дорогое, импортное, а такое в их компании пьет только Ирка. Точнее, начала пить с недавних пор. Черт ее знает, где она берет деньги, вроде подрабатывают они вместе в одном косметическом магазине, а на ту зарплату сильно не разбежишься. Тут или дорогое пиво и регулярные походы в кино и боулинг, или качественная косметика, или брендовые шмотки – на все не хватит. А Ирке почему-то хватает.

– А ты не пьешь? – поинтересовался Витя, глядя на Юлю сквозь пламя костра. Он откупоривал уже вторую бутылку. – А то могу с тобой поделиться своим.

Предложение, произнесенное более низким, чем обычно, голосом, прозвучало немного двусмысленно. Юля метнула взгляд на Иру: ей казалось, что они с Витей пара, но возможно, сам Витя об этом ничего не знал. Или на самом деле ничего такого не имел в виду. Однако взгляд Иры выразительно намекал, что Юлю испепелят быстрее, чем она успеет шевельнуться, согласившись на предложение.

Не то чтобы она вообще собиралась на него соглашаться.

- Нет, спасибо.

- Что, мамка строгая? - хихикнула Мотя.

Юля только криво улыбнулась и отрицательно качнула головой. Все обстояло скорее наоборот, но объяснять не хотелось. Все равно сверстники, еще не до конца вырвавшиеся из родительского гнезда, никогда не понимали, что пить и курить совершенно неинтересно, если тебе это никто не запрещает и никак тебя не контролирует.

- Народ, вы дальше слушать будете или нет? - обиженно спросил Макс.

Все тут же изобразили живой интерес, и он продолжил:

- Так вот, значит, мать тоже пропала, дети остались в комнате одни, а на кухне все капало и капало. Наконец старшая девочка не выдержала и отправилась за родителями, но тоже не вернулась. Маленький мальчик лежал-лежал, натянув одеяло до самого подбородка. Ему было страшно и пойти посмотреть, куда все делись, и оставаться в комнате одному. В итоге он тоже встал и отправился на кухню, а там...

- Вся семья сгрудилась вокруг мойки и изо всех сил кран закручивает, - перебила Ира.

Мотя рассмеялась, Витя загоготал, а Макс громко выругался.

- Вот совсем не такой конец у этой истории! - возразил он.

– А какой? – поинтересовалась Юля, поскольку ей было одновременно жутко и интересно.

– А вот не скажу теперь, – вредным тоном заявил Макс, явно желая, чтобы его начали упрашивать.

Однако вместо этого Ира снова закатила глаза и заявила:

– Да фигня все это. Никакая это не городская легенда, а обычная лагерная страшилка для младших школьников.

– А что тогда по-твоему городская легенда? – поинтересовался Витя.

– Современный городской фольклор. Стремные истории, якобы происходившие со знакомыми знакомых или с кем-то из твоего города, – без запинки выдала Ира.

– Класс! Мудрость, почерпнутая из америкосовских фильмов, – презрительно бросил Макс.

– А ты, типа, теперь и фильмы их тоже не смотришь? – удивился Витя. – Разве мы не с тобой на первом курсе ходили на «Мстителей», и ты потом буквально писался от восторга? Или это был какой-то другой Макс?

Друг только оскорбленно дернул плечом и коротко изрек:

– Ошибки молодости.

– А я думала, что городские легенды – это просто страшные истории, связанные с каким-то городом, которые не очень-то тянут на настоящие, – призналась Юля. – Вроде пражского голема или призраков парижских катакомб...

– Или вот говорят, что в нашем городе есть здание, в котором время от времени лифт, идущий на первый этаж, не открывает двери, а неожиданно едет дальше и как будто опускается в подвал, но там нет шахты. И на самом деле это не подвал, а преисподняя, – заявила Мотя, закончив свой рассказ зловещим шепотом.

- И что это за здание? - насмешливо поинтересовался Витя.

- А кто же тебе скажет? - возмутилась Мотя. - В том-то и прикол. Это может случиться где угодно и когда угодно.

Витя и Ира рассмеялись ее серьезному и слегка напуганному тону, а Юля тревожно обернулась: ей послышался какой-то шум за темным провалом давно сорванных дверей на входе в зал. Как будто кто-то шел и что-то задел ногой в темноте.

- Вот вам смешно, а я как услышала, теперь везде спускаюсь по лестнице, чтобы случайно не оказаться в том лифте, - обиженно протянула Мотя.

- Тише, - попросила Юля.

Смех друзей, музыка из маленькой беспроводной колонки и ноющий голос Моти мешали ей вслушиваться.

Витя жестом велел Максиму заглушить музыку, и тот почему-то беспрекословно подчинился. Ира и Мотя замерли, напряженно глядя на Юлю, а та всматривалась в темнеющий в дальнем конце помещения широкий дверной проем.

- Что там? - тихо поинтересовался Витя, поднимаясь с пола.

- Не знаю, как будто шел кто-то. А теперь все стихло.

- Это местный призрак, - замогильным голосом произнес Макс, за что получил тычок от Моти.

- Да тебе наверняка просто послышалось, - предположила Ира.

Но едва она это произнесла, как шаги возобновились, и теперь их слышали все: кто-то медленно, но неотвратно приближался к ним.

- А здесь есть охрана? - успела спросить Мотя, вскочив с места.

Они все повскакали на ноги, словно собираясь бежать, но никто так и не тронулся с места. Даже тогда, когда в дверном проеме возникла мощная мужская фигура. Юля лишь слегка дернулась, увидев вошедшего.

Он не был ей знаком, но выглядел старше их компании. Майка с каким-то невнятным принтом – или его просто было трудно разглядеть в полутьме – обтягивала накачанное тело. Обнаженные руки бугрились мускулами, кожу покрывали татуировки. Мужчина приближался к ним, держа руки в карманах черных джинсов, тяжелые ботинки слегка позвякивали при каждом шаге, словно на них были шпоры, но скорее дело было в металлических набойках.

– Ну, че вы все так напряглись? – хмыкнул мужчина, останавливаясь в нескольких шагах и улыбаясь. – Я просто на огонек заглянул. Место тут общественное, знаете ли. А там дождик начался, вот я и заехал переждать.

– На велике, что ли? – поинтересовался Макс.

– На мотике, – в тон ему ответил незнакомец. – Погреться пустите?

Юля молча надеялась, что кто-нибудь скажет «нет». Мужчина ей не нравился: было в нем что-то неприятное и опасное. Она вообще не очень любила незнакомцев, а уж незнакомцев с татуировками, которые бродят вечером по заброшенным усадьбам в одиночестве – тем более. К тому же ей казалось странным, что в их зале с выбитыми окнами не слышно дождя, а на мужчине абсолютно сухая одежда.

– Так чего, пустите или как? – повторил мужчина, обводя их компанию пытливым взглядом.

Тот наконец остановился на Ире, и Юля краем глаза заметила, как подруга тут же расправила плечи, выдвинув почти несуществующую грудь вперед, и приняла более расслабленную и более соблазнительную позу. Высокая и худая, она походила на фотомоделю, а потому всегда привлекала к себе взгляды мужчин.

– Садись. Почему нет? – ответила она за всех, приглашающе кивая головой на место между собой и Витей.

Последний недобро сощурился, глядя на нее, но промолчал.

Незнакомец обошел небольшой костер, сел прямо на грязный пол, скрестив перед собой ноги, и тут же закинул в рот сигарету из неизвестно откуда взявшейся пачки. Видимо, достал ее из заднего кармана джинсов, пока шел. Макс тут же стрельнул у него сигарету.

– Так что? У вас тут типа ночные посиделки у костра со страшилками? – спросил незнакомец, выпуская изо рта первое облачко едкого дыма. – Или вы через него прыгать собрались, взявшись за руки?

Его взгляд тем временем оценивающе скользнул по Моте и даже ненадолго задержался на Юле, от чего та ссутулилась сильнее. Не нравилось ей такое внимание.

Зато оно явно нравилось Ире, которая, напротив, меняла одну соблазнительную позу на другую.

– Для прыжков костерчик маловат. Так что да, с тебя страшилка. Знаешь какие-нибудь интересные? – томно поинтересовалась она, «стреляя» глазками.

Мужчина кивнул, снова затягиваясь сигаретой и теперь уже глядя только на костер.

– Да, есть у меня одна подходящая. Как раз про это местечко. Слышали местную легенду о Настасье?

– Нет, – ответил ему нестройный хор.

– Тогда слушайте. Давно дело было, уж пару веков назад. Прислуживала в этом доме девка из крепостных. Симпатичная такая, все при ней. Вот хозяин на нее глаз и положил. А она и не против была, потому что работа ее постепенно свелась к одному – хозяина радовать. Он ей за это платя, побрякушки дарил и уже к ней служанку приставил. Конечно, семью его это не особо радовало, он все-таки княжеских кровей был, но терпели. Мол, надо же холостому мужику, для здоровья, значит. А девка, говорят, тоже непростая была. В деревне ее с детства в ведьмовстве подозревали. Дурной глаз у нее был. Так что может она и

сама приворожила хозяина. Потому что, когда тот все-таки женился под давлением семьи и был вынужден отправить любовницу из дома, все плохо кончилось. Молодая жена не прожила с ним и полгода: заболела и умерла.

- Может, она ее просто траванула? - хмуро предположил Витя.

- Нет, я ж говорю: не было ее к тому времени в доме, в деревню вернулась. Где этому факту, кстати, никто тоже не обрадовался. Люди надеялись, что после смерти жены князь вернет любовницу обратно, к себе, но не сложилось: он уехал в Европу, а Настя так и осталась в деревне. И видать, что-то там тоже неладно складывалось, потому что ополчились местные против Насти. Нашлись те, кто расшатал народ на тему ведьмовства, вот они девку и утопили.

- В смысле, заставили пройти испытание водой? - уточнила Юля.

Незнакомец кивнул, продолжая смотреть в огонь. От этого его рассказ почему-то звучал особенно жутко.

- Вот бы хоть одна из таких девчонок и правда оказалась ведьмой, - хмыкнула Ира, потягивая пиво. - Устроила бы уродам, что ее топили, веселенькое светопреставление.

- Настя, вполне вероятно, и правда была ведьмой, - заметил незнакомец, - только защитить себя не смогла. А все потому, что был у нее с князем уговор, еще когда она в его доме жила: никогда не писать ее портретов. Князь нарушил его, когда собрался жениться. Захотел, чтобы Настя хотя бы так осталась в его доме, и заказал ее портрет художнику, который какое-то время гостил у него, наблюдал за ней и писал портрет по памяти, поскольку Настя ни за что не стала бы позировать. Все это князь провернул в тайне от нее, но считается, что этот портрет оттянул часть ее сил на себя, сделав Настю слабее, потому она и не смогла постоять за себя.

- Вот козел, - огорченно выдохнула Мотя.

- И что было дальше? - поинтересовалась Юля.

Незнакомец наконец оторвался от созерцания огня и посмотрел прямо ей в глаза, отчего у нее по спине пробежал холодок, за которым последовали колючие мурашки.

– Князь вернулся, узнал о случившемся и был безутешен. Повесил портрет Насти, который до того хранил в укромном месте, в своей спальне. Говорят, подолгу сидел и просто смотрел на него. Иногда слышали, как он с ним разговаривает. Однажды утром князя нашли у портрета мертвым. Его рот и легкие были полны воды, словно он утонул прямо посреди комнаты.

– Это что, Настька к нему пришла и отомстила? – уточнил Макс одновременно и насмешливо, и напряженно.

Незнакомец выбросил окурок в костер и пожал плечами.

– Так говорят. Говорят, она до сих пор где-то здесь. Семья князя пыталась избавиться от портрета: его и жгли, и топили, и выбрасывали. Да только он каждый раз возвращался в дом, а вместе с ним возвращалась и Настя: постоянно кто-то слышал звук ее шагов. Такой, знаете, когда мокрыми босыми ногами по полу топают. Некоторые видели фигуру женскую на фоне окон или просто тень на стене. Говорят, иногда она тихонько пела. Тогда мать князя велела спрятать портрет в потайной комнате, повесить его лицевой стороной к стене и запереть комнату навсегда. После этого Настю на какое-то время перестали видеть. А потом на полу стали появляться мокрые следы. И до сих пор появляются.

– Ой, да можно подумать, – скептически проворчал Витя. – Этот дом с тех пор уже чьим только ни был, и что в нем только ни находилось. Все разрушено, часть стен обвалилась. Здесь только пожаров случилось штуки три. Ни портрет, ни тайная комната не уцелели бы.

– Говорят, она где-то в подвале, – меланхолично пожал плечами мужчина. – Тот почти не пострадал ни от времени, ни от пожаров. Портрет, по всей видимости, тоже несколько раз находили, потому что стали поговаривать, что ему можно задать вопрос. Погадать на будущее, так сказать. Главное – не переворачивать. Мол, если перевернуть и посмотреть, Настя освободится. И никому от этого добра не будет.

В зале повисла тишина, которую вновь прерывал только треск огня. Собравшиеся вокруг него переглядывались, сохраняя невозмутимые выражения лиц, как будто хотели сначала посмотреть, как другие реагируют на историю, верят ли.

– Откуда ты все это знаешь? – наконец нарушила тишину Ира, снова игриво покосившись на незнакомца.

Тот только еще раз пожал плечами.

– Я местный. У нас тут все знают эту историю. А вы городские, надо думать? Раз первый раз слышите.

– Да, мы из Шелково, – брякнула Мотя, и Юля прикрыла глаза, борясь с раздражением. Она почему-то считала плохой идеей рассказывать о себе такого рода подробности. Мужчина все еще казался похожим на бандита. Пусть и весьма симпатичного бандита.

– А пойдемте поищем эту комнату? – неожиданно предложил Макс.

– Сегодня? – удивился незнакомец. – Ты серьезно? Сегодня купальская ночь, Настя и так может бродить здесь, как у себя дома. Не боишься встретиться с ней?

– С чего бы? Если встретим ее, получится крутое групповое селфи. Кто со мной?

Он вскочил на ноги, обводя взглядом друзей.

– Мне не нравится эта идея, – призналась Юля.

– Ты что, призрака испугалась? – насмешливо поинтересовалась Ира.

– Меня больше тревожит то, что это здание рушится, – объяснила Юля обиженно. – Мне не нравится идея залезть на ночь глядя в подвал и застрять там, если какое-нибудь перекрытие все-таки обвалится.

– Да ладно тебе, – протянул Макс. – Усадьба тут триста лет стоит и еще столько же стоять будет.

– Я, пожалуй, тоже прогуляюсь, – улыбнулась Ира, пружинисто поднимаясь на ноги. – Вить, ты как?

Конечно, тот сразу тоже встал и отряхнул джинсы, готовый к приключениям. Следом нехотя выпрямилась Мотя. Только Юля и незнакомец остались на своих местах.

– А ты что? – удивилась Ира, обращаясь к мужчине.

– Я туда не пойду, определенно, – мотнул он головой. – Ни за какие селфи не стану связываться с мертвячкой. Посижу тут лучше с живой девушкой.

Он снова перевел взгляд на Юлю, поиграв бровями, а для той мрачный темный подвал, грозящий обрушиться на голову в любое мгновение, неожиданно показался не таким уж пугающим. Она уже собиралась заявить, что пойдет с остальными, когда заметила недовольное выражение, промелькнувшее на лице Иры. Кажется, та решила, что поставила не на тот номер.

– Не оставляй меня одну, – шепотом попросила Юля, вцепившись Ире в руку.

Подруга томно вздохнула, делая вид, что подобное поведение кажется ей ребячеством, но все же села на место.

Теперь уже скривился Витя, но его остаться никто так и не попросил, поэтому пришлось уйти с Максом и Мотей. Ребята включили фонарики в смартфонах и, подбадривая друг друга нелепыми восклицаниями типа: «Я иду искать», «Настя, где ты?» и тому подобное, скрылись из вида.

В огромном зале снова повисло неловкое молчание, а костер тем временем начал прогорать. Ему требовалась подпитка.

– Пойду, что ли, дров еще найду, – неожиданно предложил незнакомец.

– Там же вроде как дождь начинался, – напомнила Юля, недоверчиво посмотрев на него. – Все промокло, наверное?

Все трое непроизвольно прислушались: дождь нигде не шуршал, да и в выбитые окна им не пахло.

– Может быть, он передумал? – весело предположил незнакомец. – Пойду посмотрю.

И вместо того, чтобы выйти через дверь, он выбрался на улицу прямо в окно к крайнему неудовольствию Иры.

– По-моему, надо валить отсюда, – заметила Юля. – Не нравится мне этот мужик.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Ира. – Прямо можно подумать, все мужики мира мечтают тебя изнасиловать, похитить или убить. Скромнее надо быть, Юльчик.

Юля только молча насупилась и больше не проронила ни слова.

Так они и просидели в полной тишине несколько томительно долгих минут, пока ее не разрушил пронзительный крик. Юля и Ира вскочили как по команде, инстинктивно прижавшись друг к другу и замерев.

Крик оборвался ненадолго, но секунды спустя послышался вновь.

– Это Мотья, – выдохнула Ира.

И несмотря на то, что ноги сводило от ужаса, обе девушки побежали на крик, на ходу доставая смартфоны и включая фонарики.

– Мотя? Где ты? – крикнула Ира, когда они выбежали из зала и оказались в каком-то коридоре.

Но подруга то ли не услышала их, то ли просто не могла внятно говорить. Она только кричала. Замолкала на несколько секунд, очевидно, чтобы набрать воздуха в легкие, а потом кричала снова. Оставалось только ориентироваться на этот крик, чтобы найти ее.

Девушкам удалось это сделать последними. Когда они наконец нашли комнату, в которой надрывалась подруга, Макс и Витя были уже там. Макс обнимал и тормозил бьющуюся в истерике девушку, а Витя сидел рядом, растерянно качая головой.

– Что случилось? – спросила Юля, падая на колени рядом с Мотей.

– Ты чего, Зай? – более мягко спросила Ира, оставаясь стоять и лишь склоняясь к подруге, чтобы погладить по голове.

– Она... была здесь... Видела ее... Она... я... тут...

Мотя лишь бессвязно бормотала, не в силах взять себя в руки и ответить четко, но хотя бы кричать перестала, когда осознала, что все друзья уже здесь.

Юле хватило этих обрывочных фраз, чтобы понять, о чем идет речь. Она испуганно выпрямилась, обводя светом фонарика комнату, прежнее назначение которой теперь уже было не угадать. И сама едва не заорала, когда в одном из дверных проемов (а тут их было по меньшей мере три) у самого пола мелькнул беловатый край длинного подола.

Это длилось всего одно мгновение, ей могло и показаться, но ужас все равно пронзил Юлю с ног до головы, парализуя и заставляя сжать смартфон с такой силой, что руке стало немного больно. Часть Юли хотела шагнуть вперед, добраться до выхода и выглянуть в коридор, чтобы убедиться в том, что она видела, но внутренний голос твердил, что это плохая идея. И Юля осталась на месте.

Она снова опустилась на корточки рядом с успокаивающейся Мотей, вместе с остальными друзьями утешая перепуганную девушку, которая теперь просто беззвучно плакала, уткнувшись в плечо Макса. Но даже бормоча ободряющие глупости, Юля продолжала прислушиваться и вскинула голову, как только услышала со стороны того прохода шаги. Однако в дверном проеме показался татуированный незнакомец, ушедший за дровами. Он напряженно хмурился, тоже освещая смартфоном то сгрудившуюся в центре обшарпанной комнаты компанию, то коридор, по которому предположительно ушел призрак.

– Вот о чем я вам говорил, – наконец назидательно изрек он. – Не надо тревожить Настю.

Он кивнул на что-то, и на этот раз Юля не выдержала. Встала, подошла к мужчине и выглянула в коридор. Луч фонарика незнакомца опустился на пол, и там в свалывшейся пыли отчетливо были видны следы мокрых босых ног и капли воды, упавшие не то с волос, не то с одежды.

Глава 1

31 июля 2016 года, 14:25

г. Москва

Последний день июля в Москве выдался жарким, но пасмурным: все небо с самого утра затягивали плотные тучи, периодически порывался накрапывать противный дождик, а потому в кафе с утра хватало работы. Выстраивались очереди желающих взять кофе «с собой» и подсластить себе дорогу от метро до офиса, забегали посидеть за чашечкой те, кто еще вчера предпочитал просто слоняться по городу, а во время ланча, когда действовало специальное меню с более низкими ценами, народ набегал и в хорошую погоду.

Аля носилась от столика к столику с удвоенным энтузиазмом новичка, который еще не научился «табанить». Старательно записывала каждый заказ, проговаривала про себя, на какой столик что несет, и с особой осторожностью придерживала тяжелый поднос, поскольку пока не научилась лавировать в узких проходах между мебелью так, чтобы не терять равновесие.

В итоге на поднос, столы и в блокнот она смотрела куда внимательнее, чем под ноги и на лица клиентов. И когда мужчина, сидевший за маленьким столиком в среднем ряду, неожиданно выбросил в сторону руку, делая знак остановиться, она мысленно покрыла его матом с ног до головы.

Мало того, что ее пока еще раздражала эта барская манера подзывать официантов взмахом руки, но она едва успела затормозить так, чтобы не

опрокинуть поднос, на котором стояла чашка эспresso для этого самого мужчины, сидевшего к ней спиной, и два больших карамельных капучино и пара тортиков для дам в углу.

Однако прежде, чем она успела хотя бы просто выдохнуть, не то что прокомментировать вслух, выставленная в сторону пятерня сложилась в назидательно торчащий указательный палец, который позже выразительно опустился вниз, привлекая к чему-то ее внимание.

Аля отвела поднос в сторону, опустила взгляд и обнаружила, что мужчина остановил ее буквально в одном шаге от сумки, не то упавшей, не то просто брошенной в проходе. Конкретно этой траекторией Аля с момента прихода мужчины еще не пробегала, а потому сумку не видела, и если бы она за нее запнулась, то упал бы, скорее всего, не только поднос.

Раздражение тут же сменилось благодарностью и чувством легкого стыда – за то, что успела мысленно обругать человека, который просто так странно ей помог.

– Вы не могли бы убрать сумку с прохода? – обратилась Аля к девушке, чей стул был ближе всего к бесхозной сумке.

Девушка, у которой хватало пирсинга как в ушах, так и в носу и губах, лениво обернулась и с видом человека, делающего другому великое одолжение, подтянула сумку к себе, оставив ее лежать теперь почти под стулом. После чего снова направила все свое внимание на молодого человека, сидевшего напротив. А может быть, это была ее подруга: порой трудно определить.

– Спасибо, – поблагодарила Аля девушку, хотя та уже не обращала на нее никакого внимания. – И вам тоже, – добавила она, ставя перед мужчиной эспresso и маленький стакан с водой.

– Не за что, – отозвался тот и развернул к ней блокнот, лежавший у него под рукой. – Услуга за услугу: скажите, пожалуйста, что здесь нарисовано?

Аля лишь скользнула взглядом по блокноту и успела заметить, что мужчина держит в руке простой карандаш, которым и был сделан набросок. Рассматривать, во что складывались штрихи всех оттенков серого, Але было

некогда, к тому же поднос все еще оставался тяжелым, а женщины за столиком в углу уже нетерпеливо посматривали в ее сторону. Долго расшаркиваться перед человеком, заказавшим только эспрессо, смысла не было: он все равно едва ли оставит внятные чаевые, а флиртовать с клиентами – даже хорошо одетыми и весьма симпатичными – она и вовсе не видела смысла, ведь у нее уже имелся парень, которого она любила.

– Вы же сами это нарисовали, – заметила она тоном, пресекающем всякие намеки на флирт.

Аля уже собиралась уйти, но мужчина неожиданно коснулся ее руки своей, останавливая.

– И все же, будьте так любезны взглянуть. Моя благодарность будет выразительнее вашей.

Она едва не скрипнула зубами. Вот привязался! Попыталась бросить на клиента многозначительный взгляд, давая понять, что ей некогда, но наткнулась на непроницаемо черные стекла солнечных очков. С учетом полного отсутствия солнца на улице это показалось странным, но Аля за пару недель работы навидалась всякого.

Мужчина полез во внутренний карман пиджака за кошельком, и его намек неожиданно стал гораздо прозрачнее. Может быть, ей все же обломятся чаевые. Аля вздохнула и вгляделась в рисунок.

Он оказался не таким уж нагромождением штрихов, как ей почудилось сначала. Вполне отчетливо была видна девушка, лежащая в круге с раскинутыми в стороны руками и ногами, закрытыми глазами и приоткрытым ртом. Аля нахмурилась, присмотревшись внимательнее: из-под тела выбегали линии, которые, если подумать, наверняка могли бы складываться в звезду. Аля видела такое в кино.

– Вероятно, это ритуальное убийство? Я угадала?

– Что заставило вас так подумать?

– Ну, тут девушка, у нее закрыты глаза, и она лежит в круге на пентаграмме, возможно...

Аля осеклась, когда снова перевела взгляд на мужчину. Тот как раз раскрыл кошелек и выбирал в нем купюру, чтобы расплатиться за кофе. Но он не смотрел на них, а выбирал на ощупь. Наконец вытащил одну, которой можно было оплатить три больших эспрессо, и положил на столик рядом с уже пустой чашкой.

– Благодарю. Сдачи не надо.

Непривычно медленно он отодвинулся со стулом назад и осторожно поднялся на ноги. Взял со столика белую трубку, на которую Аля сначала не обратила внимания, и одним движением разложил ее в длинную трость, какой пользуются слепые.

– Всего доброго, – попрощался мужчина, нашарив на столе блокнот, и направился к выходу из кафе, проверяя кончиком трости дорогу.

– До свидания, – растерянно выдохнула Аля, забирая со столика деньги и глядя мужчине вслед.

«Надо же, такой молодой, симпатичный и одет хорошо, а инвалид, – подумалось ей. – Жаль».

– Девушка, мы заказ сегодняждемся или как? – раздраженно окликнула ее одна из дам, сидевших в углу, заставляя скинуть с себя оцепенение и вернуться к работе.

– Да, уже несуд, – быстро ответила Аля, торопливо направляясь к их столику.

Хотя, по ее мнению, обеим женщинам стоило воздержаться и от тортиков, и от кофе с карамельным сиропом в кружке размером с маленькое ведро.

– Извините за ожидание, – заученно добавила она, расставляя перед женщинами чашки и тарелки.

И лишь на обратном пути к барной стойке она задалась вопросом: как же мужчина рисовал, если он слепой?

Глава 2

3 сентября 2016 года, 02:36

г. Шелково, Московская область

Телефонный звонок разбудил ее посреди ночи. Юля не сразу поняла, что происходит и почему звонит будильник, если за окном такая темень. Потом сообразила, что это не будильник, а входящий вызов, и сердце тревожно встrepенулось, застучало быстрее. Никто никогда не ждет от ночных звонков ничего хорошего.

– Да? Алло? – прохрипела Юля в трубку. Голос со сна не подчинялся.

Из трубки слышался какой-то шум: то ли жужжание, то ли шипение, то ли все сразу. На заднем плане играла музыка и переливался женский смех. И еще какая-то смесь звуков, которую сонный мозг не мог идентифицировать.

– Алло, кто это? Мам, ты?

Юля прикусила язык, но поздно: она ведь даже не знает, который час! Мать наверняка вернулась, пока она спала. А если нет, то не стала бы звонить ей среди ночи.

– Юлька? Слышишь меня? – раздался в трубке громкий, бодрый, пьяный и при этом хорошо знакомый голос. – Ты там где? Спишь?

Ирка. Юля отняла телефон от уха, чтобы взглянуть на время. Половина третьего ночи. Да она обалдела!

Или что-то случилось?

– Сплю, конечно, – буркнула Юля. – Чего тебе?

– Поехали с нами! – позвала Ира весело и залилась пьяным смехом. – Собирайся, сейчас заедем за тобой.

– Куда? Ты с ума сошла?

– В усадьбу! Будем говорить с портретом и просить предсказать нам будущее!

Ира снова расхохоталась, но теперь смех слышался дальше, как будто она отложила телефон в сторону. Или просто уронила, потому что в трубке добавилось шуршаний и шумов, после чего звонок оборвался.

Юля раздраженно выругалась сквозь зубы и зажала кнопку уменьшения звука, выводя телефон в беззвучный режим. С этой пьяной дурочки станется позвонить еще пару раз, а у Юли нет времени выслушивать ее бредни. Оставалось надеяться, что подруге хватит ума не ломиться в дверь, зовя куда-то ехать.

Шлепнув телефон на письменный стол, стоящий рядом с диваном, на котором она спала, Юля раздраженно заворочалась, меняя бок и позу, устраиваясь поудобнее.

Последнее время поведение Иры Юлю удручало. Они подружились давно, еще в детстве. Учились в параллельных классах, но жили в соседних домах, поэтому часто шли вместе на уроки и с уроков. А после школы устроились подрабатывать в один косметический магазин, взяв себе одну ставку на двоих, чтобы было удобнее сочетать работу с учебой. Там достаточно лояльно относились к такому. Главное – чтобы в каждый момент работало запланированное количество подготовленных консультантов. Юле поначалу казалось удобным работать так с подругой: они сами решали, кто когда выйдет, деля двенадцатичасовые рабочие дни, повторяющиеся по графику «два через два» по своему усмотрению.

Однако в последние полгода Иру словно подменили. Она стала чаще просить не столько поменяться рабочими часами, сколько взять на себя часть ее времени.

– Ты же все равно получишь за них деньги. Разве тебе не нужны лишние?

Юля от лишних денег никогда не отказывалась, потому что лишних у нее никогда и не было, но это все равно выглядело странно. К тому же одно дело работать больше летом, когда свободного времени хватает, и совсем другое – надрываться во время учебы. А порой и во вред ей.

Слабая надежда на то, что с началом учебного года Ира перестанет наглеть, развеялась как раз накануне, когда подруга внезапно заявила к Юле домой. Сначала, как показалось, чтобы похвастаться новым платьем.

– Как тебе? – весело поинтересовалась она, прямо на пороге поворачиваясь вокруг своей оси, демонстрируя модельную фигуру и короткое облегающее изумрудно-зеленое коктейльное платье с изящными блестками и кружевом.

Платье смотрелось «дорого» и сидело на высокой худощавой Ирке просто идеально. Хоть сейчас фотографируй для какого-нибудь модного журнала или хотя бы каталога. Выбеленные до цвета «платиновая блондинка» волосы еще лежали на голове в легком беспорядке, но что-то подсказывало Юле, что ими займутся в ближайшее время.

– Класс! – искренне выдохнула она, разглядывая подругу и слегка завидуя и ее телосложению, и новому платью. – Ты куда сегодня такая красивая?

– На вечеринку, в Москву, – пояснила Ира, без приглашения пересекая небольшую прихожую и проходя в кухню, где Юля как раз пила чай.

Она только вернулась из колледжа, не обнаружила в холодильнике никакой еды, зато нашла записку от мамы, сообщавшую, что та будет поздно, а потому Юле предстоит самой забрать брата от бабушки с дедушкой и накормить ужином. Она не стала торопиться исполнять сестринский долг, решив немного насладиться одиночеством и чаем с хрустящими вафельными трубочками со сливочной начинкой.

Предложения угоститься Ира тоже ждать не стала: плеснула себе в чашку кипятка из все еще горячего чайника, кинула в него пакетик, села за стол и взялась за хрустящую палочку. Юля привычно позавидовала и ее бесшабашной дерзости. Сама она не решилась бы брать в руки еду в таком красивом платье, чтобы не запачкать его.

– Что за вечеринка? – поинтересовалась, садясь обратно на свое место и берясь за опустевшую наполовину кружку с чаем.

На то, что подруга не позвала ее с собой, Юля не обижалась: Ира развлекалась чаще, и это давно стало само собой разумеющимся.

– Да так, презентация какая-то, – отмахнулась Ира. – Я чего пришла? Сможешь взять мой завтрашний рабочий день? Я вернусь поздно, утром просто не встану.

Она игриво закатила глаза, откусывая от трубочки нарочито соблазнительным движением, хотя Юля прекрасно понимала, что соблазнять ее у Иры нет причин. Просто она всегда была такой: осознающей собственную привлекательность и постоянно ее демонстрирующей.

– Взять? – уточнила Юля. – Опять не поменяться? Я ведь в воскресенье работаю. Давай махнемся просто, чтобы у меня хотя бы один выходной остался. Учеба все-таки началась.

Ира поморщилась. Почти наверняка она в своем учебном заведении еще не появлялась.

– В воскресенье я собираюсь пройтись по магазинам. Надо немного обновить лук, понимаешь? Новый сезон и все такое.

Теперь глаза закатила и Юля, но не игриво, а раздраженно. Конечно, где уж тут работать, когда у тебя то вечеринки, то шоппинг. На мгновение взяла злость: вот почему одним все, а другим ничего?

– И как тебе на все хватает: и на вечеринки, и на шмотки, если ты за лето и половину своего времени не отработала? Колись, ты встретила принца на белом коне?

– Если бы, – хмыкнула Ира. – Но думаю, этот нюанс – вопрос ближайшего времени. Я просто нашла более денежную подработку.

– Неужели? – удивилась Юля. – А чего тогда совсем не уволишься? Там явно платят больше. У меня было бы время летом найти другую напарницу.

– Ну, родакам я же должна объяснять, откуда у меня деньги. По крайней мере, пока живу у них. А если я им расскажу про подработку, они с катушек слетят.

Юля хлопнула глазами. Значит, тут что-то нечисто.

– Только не говори, что бегаешь ночами по городу и делаешь «закладки», – напряженно попросила она. – Сейчас в новостях о таком постоянно говорят. В городской группе недавно предупреждали, что это кажется невинным и неопасным, но на самом деле можно и присесть на несколько лет.

– Конечно, нет! – возмутилась Ира. – Как ты могла обо мне такое подумать? Только дураки связываются с наркотиками. Нет, я планирую в ближайшее время вырваться из этой дыры, а не провалиться в дыру поглубже.

– Тогда что за подработка?

Ира замялась, но потом окинула Юлю оценивающим взглядом и решилась:

– Эскорт-услуги.

У Юли отвисла челюсть.

– Девочкой по вызову, что ли?

– Да нет! Это не проституция. – Ира оскорбленно дернула плечом. – Просто состоятельным, немолодым и порой не очень красивым мужчинам тоже хочется светиться на мероприятиях рядом с молодой красивой подружкой. Ты просто идешь с ним куда-то, смеешься его шуткам, позволяешь себя обнять или заглянуть в декольте. Молчишь, когда нужно молчать, поддерживаешь беседу, когда нужно ее поддержать. Как мероприятие закончилось – разошлись. Секс тут опционален, никто не заставляет. Но можно, конечно, иногда удачно обменять его на хороший подарок. Откуда, думаешь, у меня айфон?

– Тогда чем это отличается от проституции? – не поняла Юля, все еще слегка шокированная признанием подруги.

– Тем, что ты спишь только с тем, с кем захочешь, – повторила Ира таким тоном, словно разговаривала с недоразвитым ребенком. – А когда ты спишь с тем, с кем хочешь, – это не проституция, а активная сексуальная жизнь. Там, между прочим, попадаются весьма симпатичные иностранцы, приезжающие сюда по делам. Им некогда искать подружку, и они как правило очень щедры. Если повезет, можно потом и уехать куда-нибудь в Америку или на худой конец в Германию. Девчонки говорят, были случаи. Но шансов подцепить просто богатого «папика» на постоянку больше, конечно. Это тоже решит все проблемы. Жениться, может, и не женится, но обеспечит.

Юля промолчала, напряженно глядя на нее. То, что подруга говорила, в ее понимании никак не вязалось с воодушевленным тоном, которым произносились слова.

Ира раздраженно вздохнула.

– Что ты на меня так смотришь? Осуждаешь? По-твоему, лучше с одноклассником Сашкой, у которого ни денег, ни перспектив, днем в отсутствие родителей под одеялом возиться? Когда потом он тебя просто кидает, не оставив на память ни одного мало-мальски значимого подарка. Он тебя хоть в Макдак сводил? Хотя бы один раз?

Юля опустила взгляд в чашку, обиженно насупившись. Такого удара по больному она от подруги не ожидала. Это было уже подло. С Сашкой у них все закрутилось еще на выпускном, они встречались чуть больше года после этого, пока она не поступила в колледж. У нее резко стало меньше времени, и Сашке надоело ждать «стыкочков» их графиков. Он начал встречаться с кем-то в своем Лестехе, а Юля так и не смогла «запасть» на кого-то другого. Она долго переживала их разрыв, а потом оказалась слишком занята. Или просто убеждала себя в этом.

– Вот и завидуй молча, – проворчала Ира смущенно, осознав, что перегнула палку. – Или, хочешь, могу попробовать тебя пристроить.

Она снова скользнула по Юле оценивающим взглядом, от которого той захотелось закрыться.

– Тебе, конечно, хорошо бы скинуть килограмма три хотя бы, а лучше пять, чтобы бедра поаккуратнее стали, но зато у тебя грудь есть. Я, как только накоплю, себе тоже сделаю. И волосы, конечно, хорошо бы в салоне красить, а не дома. У тебя ужасно вульгарный рыжий получается.

Юля машинально и немного нервно провела рукой по волосам. Обсуждение – и тем более осуждение – своей внешности она не любила. Иллюзий на ее счет и так не имела. Да, грудь есть, но к ней в нагрузку шли полноватые бедра и слишком большая, по сравнению с той же Ирккой, попа. Носить такие короткие платья и юбки, как подруга, Юля не могла, а потому предпочитала не вылезать из джинсов. А что касается волос... Родной «мышиный» цвет она со второго курса исправляла краской, но красила волосы дома сама, и цвет никогда не получался таким, как у модели на коробке или у прядки на карте оттенков в магазине. Это еще ничего, раньше было хуже. Поначалу у нее не получался даже равномерный цвет, целые пряди оставались не прокрашенными.

– Да нет, спасибо, я воздержусь, – буркнула она. – Как-то не верится, что кто-то будет платить мне хорошие деньги за то, чтобы я просто стояла рядом, а потом ехала домой.

– Как знаешь, – снова дернула плечом Ира. – Так возьмешь мой день?

– Только с утра, – твердо заявила Юля, считая такой вариант практически отказом. Отказывать по-настоящему она не умела. – В три ты должна меня сменить.

– Сойдет, – натянуто улыбнулась Ира, вскакивая с места. – Ладно, побегу. Мне еще в салон на укладку и макияж, некогда расслаживаться. Кстати, это все, – она соблазнительно изогнулась, демонстрируя платье и для верности тыкая в себя указательными пальцами, – всего лишь аванс за мероприятие. И я уверена, что сегодня мне повезет: на вечеринке обязательно будет подходящий мужчина.

– Откуда такая уверенность?

Ира обворожительно улыбнулась, подмигнула и почти пропела:

– Скоро холода, кто-то должен вывезти меня в теплые края.

Раздражение Юли только усилилось, но она, конечно, все равно встала и проводила подругу до выхода.

И в ужасе оцепенела, когда за дверь вместо привычного общего коридора оказался другой: длинный, темный, обшарпанный, чужой. В дальнем конце стояла едва различимая женская фигура в просторной белой рубашке до пола.

Ира шагнула вперед, как будто не замечая изменившейся реальности, и лишь с недоумением обернулась, когда Юля окликнула ее дрожащим голосом. Фигура за ее спиной внезапно оказалась ближе.

Прежде, чем Юля успела что-то сделать для подруги, заверещал будильник. Она дернулась, приподнимаясь на руках над подушкой. Комнату уже наполнял утренний свет, никакой Иры рядом не было, зато смартфон заливался веселой мелодией, которую Юля поторопилась выключить.

3 сентября 2016 года, 07:55

Утро началось бодро. Оказалось, что мать ночью так и не вернулась, а это означало, что придется готовить младшему брату Семке полноценный завтрак, а не просто по-быстрому сварить кофе и съесть банан.

Юля уже достала из шкафчика упаковку овсянки и полезла в холодильник за молоком, когда деятельный Семка взобрался на табуретку, собираясь дотянуться до пачки с шоколадными шариками.

– А ну слезай, – велела Юля строго, захлопывая только что открытую дверцу шкафа прямо перед его носом. – Сегодня на завтрак каша.

– Я не хочу кашу! – тут же заныл Семка, соорудив умильную рожицу, которая в сочетании со взъерошенными после сна волосами и пижамой с пингвинами могла растопить какое угодно сердце. – Я хочу шарики!

– Ты знаешь правила: шоколадные шарики только по воскресеньям, – отрезала Юля, чье сердце растопить было не так-то просто. Особенно когда она не выспалась и торопилась. – И не надо на меня так смотреть! Слезай давай, не

задерживай, а то я на работу опоздаю.

– Но раз ты идешь на работу, значит, сегодня воскресенье! – с нелепой детской хитростью заявил Семка, уже спрыгивая с табуретки. – Значит, можно есть шарики.

Юля на несколько секунд зависла, доставая ковшик, в котором всегда варила кашу. Ведь действительно: ей на работу в воскресенье, а раз она туда собралась, значит, это уже сегодня?

В следующую секунду подтормаживающие шестеренки в голове прокрутились, все встало на свои места, и Юля с облегчением поставила ковшик на плиту.

– Сегодня суббота, просто сегодня мне тоже нужно на работу, – объяснила она, поворачивая ручку на плите.

Конфорка под ковшиком налилась красным, а Юля снова зависла, глядя на две картонные коробки на столе рядом с плитой и пытаясь понять, зачем вытащила из холодильника апельсиновый сок. Пришлось трянуть головой, чтобы сообразить, что она вытащила его по ошибке, перепутав с пакетом молока.

Семка тем временем сел за стол и, болтая ногами, занял:

– Хочу шарики, хочу шарики... Не хочу кашу, хочу шарики!

Хоть ему недавно и исполнилось восемь лет, вел он себя порой так, словно ему по-прежнему пять. Юля мысленно сосчитала до десяти, убирая в холодильник пакет сока и все-таки доставая оттуда молоко. Плеснула его в ковшик, левой рукой неловко разблокировав экран смартфона. Следовало позвонить матери, ведь та не знает, что Юля сегодня работает и ей стоит поторопиться домой. Чрезмерно активного Семку было совершенно противопоказано оставлять дома одного.

Палец застыл над экраном, когда Юля заметила, что у нее висит непринятый вызов. Ира звонила ей снова в 3.35. Хорошо, что выключила звук!

На мгновение появилось желание в отместку набрать Ирке сейчас. Поинтересоваться, чего хотела. Судя по тому, какой длинной у нее была ночь, она только недавно легла и отсыпается. Однако Юля отмела эту идею и смахнула уведомление о пропущенном вызове с экрана. Пусть спит.

Вместо этого из памяти был вызван абонент «Мама». Юля прижала телефон плечом к уху, чтобы освободить руки и отмерить необходимое количество овсяных хлопьев. На заднем плане Семка все еще ныл про шоколадные шарики, но она давно научилась игнорировать его и только вслушивалась в гудки.

Наконец те сменились вялым сонным «Алло?»

– Мам, ты где?

– Юлька? Чего тебе не спится-то?

– Я на работу собираюсь, – сообщила Юля отрывисто, перехватывая вискальзывающий аппарат рукой.

Другая рука уже помешивала в закипающем молоке овсянку.

– Сегодня же суббота? – все тем же сонным голосом удивилась мама. – Ты же в воскресенье работаешь?

– Так получилось, что сегодня тоже. До обеда. Ирка попросила подменить.

– Ох уж эта твоя Ирка, – вздохнули на том конце. – Сколько ты будешь позволять ей перекладывать на тебя свои обязанности?

Юля раздраженно закатила глаза, на время оставляя кашу без присмотра, чтобы достать из холодильника голубику. Она знала только один способ заставить брата есть овсянку.

– Да кто бы говорил, – пробормотала она, но судя по отсутствию реакции, мама не услышала. Возможно, она вообще так и не проснулась. У нее ночь, судя по всему, тоже была долгая. – Ты когда вернешься? Мне через полчаса выходить. Успеешь?

- Шутишь? - возмутилась мама. - Через час, не раньше.

- Но Семка один останется...

- Ничего с ним не случится, он уже не маленький. Включи ему мультики, пусть смотрит.

- А разве нет какого-нибудь закона, запрещающего оставлять восьмилетних детей одних дома?

- Я абсолютно уверена, что там имеется в виду на несколько дней, а не на полчаса.

Каша подозрительно зашипела и стала уже слишком густой, поэтому Юля торопливо переставила ее на соседнюю конфорку. Пререкаться стало некогда, и она быстро бросила в трубку:

- Ладно, поняла, не задерживайся. Пока.

И она сбросила вызов, искренне надеясь, что мама после этого выползла из постели, где бы та постель ни находилась, а не накрылась снова одеялом, чтобы досмотреть прерванный сон.

Семка устал канючить и требовать шоколадные шарики, поэтому теперь просто сидел за столом со скорбным видом угнетаемого класса и болтал ногами, глядя на шипящую кофеварку, которая стояла здесь же, на столе.

Юля выложила кашу на тарелку и украсила ягодами, сложив из них «смайлик». Это как всегда подействовало на Семку магическим образом: он заулыбался и покорно взялся за ложку, заявив только, чтобы Юля не расслаблялась:

- Хочу кофе!

- Тебе нельзя кофе, - возразила Юля, наливая себе целую чашку и добавляя сверху молока.

- Почему?

- Потому что мал еще. И ты все равно не будешь его пить.

- Но я хочу! - снова заныл Семка.

Юля резким движением поставила перед ним собственную чашку и предложила:

- На, пей!

А сама занялась бананом. Говорят, люди делятся на две категории: на тех, кто моет бананы перед тем, как их съесть, и тех, кто этого не делает. Юля относилась к первой.

Семка, несколько удивленный внезапной покладистостью сестры, взял чашку обеими руками и сделал большой глоток. Тут же скривился и издал выразительный звук, означающий недовольство.

- Гадость какая!

- Я же говорила, - хмыкнула Юля, забирая чашку и садясь с ней и бананом на другой конец стола.

- Пойдем гулять? - тут же предложил жаждущий внимания и постоянной «движухи» брат. - Погода хорошая. Пойдем на площадку к реке?

Вдоль набережной пару лет назад настроили разных развлечений, в том числе странных конструкций с паутинами канатов внутри, и Семка обожал в них лазить. Взрослые едва ли могли представить, кем он воображал себя в тот момент.

- Я не могу, - вздохнула Юля. - Я же на работу иду. Мама придет, она с тобой погуляет.

- Ну да, она погуляет, - тут же надулся брат, ковыряя кашу. - Ей всегда некогда.

С этим трудно было поспорить. И Юля смогла предложить только один вариант:

– Меня в три должны сменить, можем погулять после обеда. Погода вряд ли испортится.

Семка тут же воодушевился и активнее заработал ложкой, а в дверь внезапно позвонили. Поскольку не было ни единого шанса, что это мама за пару минут материализовалась дома, Юля непроизвольно напряглась. Никого столь ранним утром в субботу они не ждали, а внеплановые визиты – как и ночные звонки – редко несут с собой что-то хорошее. К тому же открывать посторонним дверь в ночной рубашке и халате Юля не любила, а одеться еще не успела.

К счастью, на пороге обнаружился совсем даже не посторонний, а вполне родной дядя Никита, мамин старший брат.

– Привет, Юль, – немного запыленно поздоровался он, сразу проходя внутрь.

Он всегда суетился и куда-то торопился, хотя торопиться ему обычно было некуда: сколько Юля его помнила, он никогда нигде постоянно не работал и не был женат.

– У вас тараканы есть? – поинтересовался дядя, разуваясь и шаря немного диким взглядом по ламинату. Видимо, уже искал тараканов.

– Вроде не было никогда, – удивленно протянула Юля, настороженно наблюдая за тем, как он, разувшись, резко упал на колени и опустил голову к полу, направляя ищущий и алчущий взгляд вдоль его поверхности.

– Точно нет? Может, где-то все же ползают? Мне всего один нужен.

Он вскочил на ноги, слишком легко для своей грузной комплекции, и побрел на кухню. Там он быстро чмокнул Семку в светлую макушку и принялся шарить по шкафчикам. Юля последовала за ним, чувствуя, как градус настороженности в ней повышается с каждой секундой.

– Дядь Ник, ты чего? – поинтересовалась она, когда тот снова опустился на колени, пытливо заглядывая в щель между кухонным шкафом и плитой. – Ты уже

с утра выпил, что ли?

- Да ты чего? Я никогда... А зеленый обмылок у тебя есть?

Тут Юля заподозрила, что пил он, возможно, и накануне, но водка попалась «паленая», и к утру любимый дядя словил глюки.

- Не хочу тебя расстраивать, но у меня никакого обмылка нет: ни зеленого, ни розового, ни белого. Мы пользуемся жидким мылом. А тебе зачем?

Дядя Никита вновь выпрямился, привалился спиной к шкафчику и сокрушенно вздохнул, хмурясь.

- Надо мне, Юль. Судьба моя решается. Нужны красная шариковая ручка, зеленый обмылок и таракан. Ручку я в магазине купил, а вот с обмылком и тараканом - проблема. Где бы взять?

- Что значит - судьба решается?

- Да к женщине меня тут одной отвели, к знающей. Ведунья она. Сказала, что сглаз на мне, но можно его снять. А я ведь давно чувствую, что что-то не так со мной. Вот не прет же, во всем, да, Юль? Знаешь же сама. Так вот нужны красная ручка, зеленый обмылок и таракан. Она там пошаманит с этим - и все у меня будет хорошо.

Юля не сдержалась: демонстративно прижала раскрытую ладонь к лицу и покачала головой. Порой ей казалось, что в их семье она единственный взрослый человек. Мама все бегаёт по мужикам, ищет себе третьего мужа, как будто ей восемнадцать, а не тридцать восемь. А ее брат, которому уже миновало сорок, как оказалось, верит в сглаз и в то, что вечные проблемы с работой и женщинами можно решить с помощью зеленого обмылка и таракана. Ах да, еще шариковой ручки, обязательно красной.

- Ладно, дядь Ник, ты пока у нас тараканов поищи с часочек, заодно с Семкой побудешь. Я на работу, а мама скоро придет. Если хочешь есть, холодильник весь твой, но там ничего нет, кроме помидоров, апельсинового сока и яиц.

Заявив это, она скрылась с ворохом одежды в ванной, чтобы спокойно переодеться и накраситься. Дресс-кода у них на работе особого не было, подходили любые темные штаны, а футболки раздавали фирменные, но за макияжем и маникюром сотрудниц внимательно следили.

Из квартиры она вылетела маленьким ураганом, на ходу натягивая куртку и вытаскивая из-под нее волосы. Точнее, попыталась вылететь, потому что дверь уткнулась в какое-то препятствие, которого не было еще двадцать минут назад, когда она открывала дяде.

– Эй, девушка, осторожнее, – низким голосом пожурил ее мужчина в какой-то униформе, Юля не успела разглядеть.

Заметила только, что дверь в квартиру рядом, где последние три недели шел непрекращающийся ремонт, распахнута, а двое мужчин пытаются внести диван, который не очень-то вписывается в проем.

– Извините, – пробормотала Юля, захлопывая за собой дверь и дожидаясь, пока изнутри лязгнет засов. От дяди всякого можно ожидать, он порой плохо держит мысль. Лишь бы маму дождался, а не бросал Семку одного.

Дожидаясь лифта, она вставила в уши «затычки» и включила на телефоне музыку, а войдя в кабину, нервно посмотрела на часы. Похоже, придется идти очень быстрым шагом. И лучше срезать через парк.

Из лифта Юля выскочила чуть ли не бегом и на лестнице, ведущей к выходу, налетела на мужчину, как раз поднимавшегося вверх. Подвели тормозящее освещение, включающееся по велению датчика шума, и заевшая молния на куртке, которую она все никак не могла застегнуть.

Бросив еще одно короткое извинение и даже не взглянув на едва не снесенного соседа, Юля вылетела из подъезда и поспешила на работу.

3 сентября 2016 года, 14:30

На работу она прибежала вовремя, еще и осталось пять минут на то, чтобы перевести дыхание. Даже больше, если учесть, что по выходным к девяти утра безумные толпы не ломались в двери магазина косметики и бытовой химии. Они придут позже, часам к одиннадцати, тогда и надо будет бегать по залу, как электровеник, предлагая покупательницам ненужные им консультации, поправляя выкладку товара и время от времени становясь на третью кассу, чтобы не возникали очереди.

Часов до десяти можно было бы вообще не суетиться, а лениво пить чай с печеньем, если бы не дурацкие правила компании, предписывающие постоянно заниматься какой-нибудь работой даже в пустом, идеально подготовленном зале магазина. Вот и приходилось слоняться между стеллажами, делая вид, что поправляешь бесчисленные коробочки с краской для волос или сортируешь колготки по размеру и цвету под пристальным наблюдением видеокамер и менеджера. А печенье таскать тайком и грызть всухомятку, потому что не на шутку проголодалась.

Каждый день происходило одно и то же. В бесполезных попытках похудеть Юля утром давала себе слово, что сегодня же начнет есть мало. Небольшой фрукт на завтрак, тарелку овощного супа на обед и салат на ужин. Утром план казался простым, потому что после пробуждения есть она не хотела никогда. Завтрак из кофе и банана выглядел вполне приемлемо.

Вот только голод неожиданно набрасывался, едва Юля доходила до работы. Причем зверский. Она пыталась перебить его, таская из общих запасов печенье, сушки и конфетки, а в колледже покупала маленькую упаковку сухариков, чтобы дотерпеть до овощного супа на обед, но в итоге к обеду хотела есть еще сильнее. Дело заканчивалось или хот-догом, или бургером из Макдональдса, или огромным бутербродом с колбасой дома, потому что суп все равно никто не сварил. С салатом на ужин тоже редко складывалось, но к утру Юля была полна решимости попытаться начать худеть снова, чтобы однажды стать такой же тощей, как Ирка.

Мысли о подруге преследовали ее целый день. После каждого раздраженного ответа посетительницы, во время бессмысленного переключивания товара с места на место, чтобы «не сидеть без дела», когда ноги начали привычно гудеть от того, что нельзя присесть дольше, чем на пять минут раз в час. Юля представляла себе Иру в ее шикарном коктейльном платье с идеально уложенными волосами с бокалом игристого вина в руке, смеющуюся и

танцующую в окружении хорошо одетых мужчин голливудской внешности. Представляла, как та идет по магазинам и легко тратит заработанные за ночь деньги на обновки, а потом сидит на маникюре, потягивая из огромного стакана карамельный кофе с шапочкой из взбитых сливок. Просто потому, что может себе это позволить. А потом и вовсе уезжает на дорогой курорт, пока сама Юлька так и пытит в промозгом ноябрьском Подмосковье, получая профессию, которую заранее ненавидит, и работая в магазине, от химических запахов которого к вечеру ужасно болит голова.

Может, права Ирка? И нет в этом ничего такого, просто способ быстро заработать денег и хорошо устроиться в жизни? Чтобы получать от нее удовольствие, а не бегать по замкнутому кругу дом-работа-сходила в кино раз в сто лет... С бесконечной необходимостью сопоставлять желания с финансовыми возможностями и фееричным летним отдыхом у бабушки с дедушкой на даче, где надо то клубнику пропалывать, то огурцы поливать, то картошку сажать. Как будто в магазине этой картошки нет.

Время приближалось к трем, и Юля начала тревожно поглядывать на часы, думая, не позвонить ли Ире. Вдруг та забыла о том, что должна ее сменить? Она не появлялась в мессенджерах, ничего не постила в соцсети. Может быть, до сих пор спит?

Однако бить тревогу и доставать подругу звонками и сообщениями раньше времени Юле казалось некрасивым, поэтому она только поглядывала на улицу через большое окно, высматривая Иру среди прохожих. А тех по случаю хорошей погоды и выходного дня было довольно много.

«Довысматривалась», – обреченно подумала она примерно без пяти минут три, когда ее взгляд неожиданно встретился со взглядом смутно знакомого мужчины, припарковавшего у обочины мотоцикл.

Юля задержалась на его лице только потому, что мозг не сразу смог подсунуть нужное воспоминание: откуда она может знать этого парня? Когда наконец вспомнила и поспешно отвернулась, было уже поздно. Мужчина успел улыбнуться ей, помахать рукой и направиться ко входу в магазин.

– Привет, – поздоровался он, выловив ее в зале, где она безуспешно попыталась спрятаться.

– Здравсьте.

– Вот я и нашел тебя.

– А вы меня искали?

– Еще бы, ты же контактов не оставила, – усмехнулся он. – А ты мне понравилась.

Юля недоверчиво покосилась на него. Тогда в усадьбе ей показалось, что незнакомому байкеру понравилась Ира. И его откровение сейчас прозвучало одновременно лестно и пугающе.

– Неужели? – хмыкнула она и тут же отвернулась к витрине с заколками, делая вид, что там срочно нужно навести порядок, поскольку заметила, как вышедший в зал менеджер бросил на нее недовольный взгляд. – Извините, я не могу с вами болтать, нам запрещено тратить рабочее время на личные разговоры.

– Так пойдем, проконсультируешь меня по пенкам для бритья, – не растерялся мужчина. – Это ведь твоя работа, Юля?

Он ткнул пальцем в бейджик у нее на груди, где были указаны имя и должность – продавец-консультант.

– Кстати, я Алексей. Можно просто Леха и на «ты».

– Нам нельзя на «ты» с клиентами, – возразила Юля, покорно провожая Алексея к стенду с мужской косметикой. – У вас есть какие-то предпочтения по брендам или стране происхождения? Какой у вас тип кожи?

Задав последний вопрос, она непроизвольно подняла взгляд на его лицо, слегка заросшее все еще модной трехдневной щетиной. Отметила про себя, что кожа точно не чувствительная, не склонная к раздражениям. И вместе с тем мысленно признала, что мужчина довольно красив в своей киношной брутальности. Может быть, он никакой и не бандит, а просто вдохновился каким-нибудь экранным образом и копирует его? На молодого Жерара Батлера смахивает и в целом похож на одного из его персонажей, только Юля никак не могла вспомнить, на какого именно.

На вид мужчине – или, скорее, парню – было больше двадцати пяти, но меньше тридцати. Он действительно обладал внушительной мускулатурой, как ей и запомнилось, но сейчас, когда многочисленные татуировки скрывались под кожаной курткой, а вокруг было светло и толпились люди, не выглядел так уж страшно. Хотя что-то опасное в его образе все равно чувствовалось. Опасное и, как это часто бывает, притягательное. А еще он очень соблазнительно улыбался. Уверенно и немного нахально. И так смотрел, что сердце само собой начинало биться быстрее.

– Во сколько ты заканчиваешь? – поинтересовался Алексей вместо ответа на ее вопрос.

Юля снова машинально посмотрела на часы. Без двух минут три. Ира уже должна была появиться, но похоже, опаздывала. Или просто забила.

– Магазин работает до девяти, – ответила она со вздохом. И зачем-то добавила: – Меня должны были сменить в три, но, видимо, что-то не сложилось.

– Значит, в девять? – уточнил Алексей, беря наугад одну из пенок и разглядывая ее, как будто крайне заинтересовался. – Отлично, буду ждать тебя у магазина в девять. Можем сходить в кино, а потом на пиццу. Ты любишь пиццу, Юля?

– Не думаю, что у меня получится, – попыталась отказаться та.

– Да ты не бойся, я угощаю. И да, это не будет значить, что ты мне что-то должна. Это просто кино и ужин. Мне не в напряг.

– Даешь понять, что при деньгах? – не удержалась Юля, забыв о том, что с покупателями нельзя общаться на «ты».

Он картинно задрал нос, чем вызвал искреннюю улыбку.

– Не без этого. Можем потом по городу покататься. Когда пробки на проспекте заканчиваются, по нему, знаешь, как можно разогнаться? Кажется, вот-вот взлетишь.

– Боюсь, полеты на мотоцикле меня не интересуют, – нервно усмехнулась Юля, одновременно испытывая страх и восторг. Точно, как на американских горках.

С ней редко столь настойчиво заигрывали. Пожалуй, она не могла припомнить ни одного подобного случая за последние два года. Это было приятно, но вместе с тем рождало кучу вопросов. Что нужно этому парню? Чего он привязался? Она ведь не Ирка, чтобы быть от нее в таком восторге...

– А что тебя интересует? – тут же зацепился за ее фразу Алексей, поставив на полку одну пенку и взяв другую. – Можем сходить в боулинг. Давай, Юленька, подскажи, чем мне тебя завлечь?

– А зачем тебе меня завлекать? – тут же снова напряглась она.

Алексей уже начал снова говорить что-то о том, как она ему понравилась, но Юля отвлеклась на завибрировавший в заднем кармане джинсов смартфон. На экране высвечивались фотография и имя Иры. Наверняка звонит сказать, что никак не может выйти на работу.

– Извини, – бросила она Алексею, проводя пальцем по экрану, чтобы разблокировать его. – И где тебя черти носят? – раздраженно спросила она в трубку.

Трубка помолчала, а потом неожиданно заговорила мужским голосом:

– Это Юлия?

Сердце вновь забилось быстрее, а рука почему-то мигом вспотела.

– Да. А вы кто?

– Капитан Соболев, я из полиции. Полагаю, вы знакомы с владелицей этого номера – Ириной Рязановой?

– Да, – снова настороженно отозвался Юля, чувствуя, как неприятно потянуло и заныло в животе. – Она моя подруга. С ней что-то случилось?

- Где вы сейчас находитесь? Мы хотели бы подъехать, поговорить с вами.

- Я на работе, - Юля назвала адрес магазина. - А что все-таки случилось?

В трубке повисла небольшая пауза, после чего мужчина угрюмо сообщил:

- Ваша подруга погибла этой ночью.

Глава 3

3 сентября 2016 года, 14:30

Усадьба Грибово, Московская область

Место можно было бы даже назвать красивым: много зелени, едва тронутая осенней лихорадкой, высокие сосны, наверняка стоявшие тут еще до появления усадьбы, блаженная тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы, клекотом птиц и перестуком дятла вдалеке. Но идиллическую картину портили здания: маленькие, обшарпанные, медленно умирающие под разрушительным воздействием времени и окружающей среды. Триумфальная арка, когда-то гордо встречавшая гостей славного дома, теперь торчала угрюмым предостережением: не ходите дальше, если не хотите видеть тлен и разложение. За ней виднелся такой же облезлый, местами обрушившийся, корпус восточного флигеля. Главное здание - дворец - находилось дальше, с дороги его не было видно.

Капитан Соболев оставил машину там же, где уже стояли другие, поскольку ворота Триумфальной арки были закрыты и на территорию усадьбы оказалось не въехать. Их, конечно, откроют для труповозки, но пока, видимо, не нашли того, кто владеет ключами. Но ничего, погода стоит отличная, можно и прогуляться немного, прежде чем упасть в объятия очередного кошмара, сотворенного человеком.

Дворец, который так и не восстановили после пожара десятилетней давности, выглядел совсем уныло: пустые окна, трещины, местами полностью сошедшая

штукатурка, обнажающая кирпичную кладку, провалившаяся крыша. С улицы казалось, что внутрь и не войти – некуда, но судя по всему, на первом этаже какие-то помещения сохранились. Правда, нырять в темный провал дверного проема все равно не хотелось. Здание выглядело хрупким, пальцем ткни – развалится.

Возможно, именно поэтому его старший коллега – Петр Григорьевич – решил поговорить со свидетельницей, обнаружившей тело, на улице.

Это была женщина на вид сильно за шестьдесят, в спортивных штанах и слишком теплой для начала сентября куртке. В которой она все равно зябко ежилась, как будто мерзла. Должно быть, от полученного стресса. К ее ногам жалась собака пестрой расцветки и неопределимой породы. Для Соболева неопределимой: он в них не разбирался. Что-то среднего размера с короткой шерстью. Собака жалобно поскуливала и нервно металась вокруг хозяйки, то ли пытаясь спрятаться, то ли требуя поскорее уйти отсюда.

– Значит, вы часто гуляете с собакой тут? – это был первый вопрос Петра Григорьевича, который Соболев расслышал отчетливо.

– Нет, мы обычно гуляем ближе к церкви и кладбищу, – возразила женщина, неопределенно мотнув головой. – К самой усадьбе не приближаемся, Тишке тут не нравится.

Она наклонилась и потрепала поскуливающего пса по загривку, тихонько обещая ему, что они скоро пойдут домой. Соболев как раз подошел к ним и пожал руку Петра Григорьевича в безмолвном приветствии.

– А на кладбище Тишке, значит, нравится? – удивленно уточнил он, без приглашения вклиниваясь в беседу. – Я думал, собаки не любят покойников.

Женщина смерила его недовольным взглядом и дернула плечом.

– Так на кладбище покойнички упокоенные, а тут... – она резко замолчала, поджав губы.

Соболев вопросительно посмотрел на Петра Григорьевича, но тот только развел руками, мол, понятия не имею, о чем она говорит.

– А тут беспокойные? – уточнил Соболев с улыбкой, которую многие женщины назвали бы неотразимой.

Но свидетельница к ним не относилась. Она только отвернулась, заранее на что-то обидевшись. Наверняка предпочла бы сразу уйти, да не хотела неприятностей с полицией.

– Мы к усадьбе стараемся не ходить, – изрекла наконец сдержанно, глядя в сторону дворца. – Чтобы Хозяйку не гневить. Не любит она, когда тут шастают всякие.

– Хозяйка? – переспросил Петр Григорьевич. – В смысле, нынешняя владелица Грибово?

Женщина презрительно хмыкнула и махнула рукой.

– Да разве ж это хозяйка? Купили все, а теперь сами не знают, что с этим местом делать. Отреставрировать хотели да снова санаторий организовать, так не дала она. Не нужны ей тут чужие.

– Кто не дал? – не понял Соболев, чувствуя себя немножечко глупо. – Хозяйка?

– Она самая, – вздохнула женщина. – Вот, ей-богу, сама во все это не верила никогда, просто на всякий случай стороной обходила усадьбу. А сегодня, когда Тишку сюда понесло, прям почувствовала неладное. Так прям сразу и поняла: случилось здесь что-то. А когда девчонку увидела...

Она снова вздохнула, перекрестилась и, понизив голос, добавила:

– Утопила она ее, вот, ей-богу, утопила. Вы проверьте – и сами убедитесь.

Соболев с Петром Григорьевичем переглянулись. Они давно работали вместе, и им часто не требовались слова, чтобы понять друг друга. Взгляд Соболева красноречиво вопрошал: «Что, неужели причина смерти – утопление?» Петр

Григорьевич в ответ только чуть скривил рот и едва заметно кивнул на вход. Мол, иди и сам посмотри, что там как. Соболев так и сделал, услышав напоследок, как за спиной напарник флегматично уточнил:

– Значит, вы обычно гуляете по кладбищу, а сегодня собака потянула вас к усадьбе?..

Что ответила женщина, Соболев уже не услышал: старый дом успел его проглотить. Ондохнул в лицо гнилой прохладой и на несколько секунд как будто оглушил. По крайней мере, Соболеву показалось, что звуки вдруг исчезли. Должно быть, особенность старых строений: даже в полуразрушенном виде в них звукоизоляция лучше, чем в современных квартирах.

Куда идти, он понял не сразу. Лишь когда слуха коснулось эхо знакомых голосов, определился с направлением. За голосами последовал характерный звук фотосъемки, а после пары поворотов коридора забрезжил и свет, указавший пункт назначения.

Погибшая лежала в одном из наиболее удачно сохранившихся помещений. Как минимум, здесь не преследовало ощущение, что потолок вот-вот рухнет тебе на голову, и пол везде был целехонек, в отличие от коридора, в котором Соболев едва не покалечился, вовремя не заметив провал.

На вид девушке было лет двадцать-двадцать пять. Красивая, ухоженная. В вечернем платье. Или как это называется, когда платье вычурное, но короткое? Тонкие руки раскинуты в стороны, длинные стройные ноги широко разведены, отчего платье задралось, демонстрируя нижнее белье. То было на месте, целое. Значит, изнасилования не было, даже попытки.

«Раскинулась звездочкой», – промелькнула неуместная мысль, и только после этого мозг осознал то, что глаз, конечно, увидел сразу.

Девушка лежала в начерченном на полу круге, идеально повторяя позой вписанную в него пятиконечную звезду. Соболеву стало не по себе.

– А я думал, что вас называют оперативниками, потому что вы все делаете оперативно.

Вслед за насмешливым замечанием худощавого, высокого и совсем седого, хотя еще и совсем не старого, эксперта-криминалиста и судмедэксперта в одном лице раздался щелчок фотоаппарата, в помещении полыхнула вспышка.

Соболев поморщился. Да, он, судя по всему, приехал на место последним. Эксперт Логинов вовсю работал, молодой следователь, на которого никто не мог смотреть без улыбки, тихо заполнял протокол, притулившись на раскладном стульчике у стены. В тускло освещенное помещение уже успели притащить лампы.

– Пробки, – коротко изрек Соболев, не желая объяснять реальные причины задержки. – Я был далеко, когда меня вызвали.

Логинов только хмыкнул в ответ, не поверив. Конечно, за это время можно было и из Москвы доехать, а Соболев находился на местном стадионе, когда ему сообщили. Просто была суббота – выстраданный день, в который он водил сына на занятия в футбольную секцию вот уже целый месяц без срывов, вопреки мрачным предсказаниям бывшей. С походом в кафе после тренировки. Посиделки за пиццей и так пришлось сократить, но жертвовать ими полностью Соболев не стал. И объяснять это никому не хотел, предпочитая сразу сосредоточиться на работе.

Его взгляд скользнул выше, к лицу жертвы. На лицо ему до сих пор приходилось заставлять себя смотреть. Остальные части мертвого тела почему-то не вызывали неприятное, сосущее ощущение внутри, в районе живота, а вот лица – да. Лица превращали мертвые тела в мертвых людей.

Это лицо – молодое, узкое, в обрамлении очень светлых волос – было спокойным, умиротворенным. Как будто принадлежало спящей, а не мертвой. Нижняя челюсть безвольно отвисла, рот приоткрылся, а во рту...

Соболев не поверил собственным глазам и наклонился ближе, чтобы посмотреть.

– Эй! Перчатки! – резко окликнул его Логинов, который уже закончил с осмотром и фотографированием тела и теперь фиксировал мелкие детали вокруг. – Слышишь, Соболев? Руками не трогай.

– Димыч, это что, вода у нее во рту? – вместо ответа поинтересовался Соболев.

– Предположительно, – сухо отозвался Логинов. – Точнее скажу после анализа, пробу уже взял. А ты бы все-таки перчатки надел, пока не схватил чего-нибудь.

Соболев послушался, одновременно задавая следующий вопрос:

– Дим, что это за хрень вокруг нее?

– Пентаграмма, – невозмутимо отозвался эксперт, больше не отвлекаясь от своего основного занятия.

– Так у нас тут что, какое-то ритуальное убийство или вроде того?

– Возможно. Но это не точно. Пройдись по зданию, увидишь на стенах и не такое. Пентаграммы, козлиные морды, перевернутые кресты, всякие символы, надписи типа: «Славься, Сатана» и цитаты из глупых песен. Дети шалят. Могли и пентаграмму нарисовать для какой-нибудь своей игры, а убийца потом ею просто воспользовался.

Соболев кивнул, искренне надеясь, что так и было и они не имеют дело с поехавшим на почве какого-нибудь псевдорелигиозного дерьма психом.

– Документы, личные вещи при ней были?

– Да, там вон сумка и все ее содержимое на ящике, можешь смотреть, я все отснял уже. Только осторожно, отпечатки не смажь. Не думаю, что там есть что-то интересное, но мало ли...

– Не учи ученого, – тихо и беззлобно огрызнулся Соболев, присаживаясь на корточки рядом с указанным ящиком, чтобы рассмотреть нехитрое имущество жертвы в тусклом освещении.

Свет с улицы сюда проникал с трудом: вымахавшие деревья и кусты закрывали пустые окна от солнечных лучей, а лампы искусственного освещения были направлены на тело и место вокруг него, чтобы при осмотре не пропустить ничего важного. Ящик с содержимым сумки стоял в сторонке.

Впрочем, рассматривать было особо нечего: паспорт, банковская карта, помада, немного наличности, смартфон. Не очень новый, но все-таки целый «айфон».

«Не ограбление», – машинально отметил Соболев и непроизвольно покосился на тело внутри пентаграммы. Только бы пронесло...

Он ткнул в экран смартфона. Аппарат не потребовал никакого кода, спокойно показал россыпь иконок приложений. Стандартный набор: несколько соцсетей, музыка, камера, браузер, сообщения, звонки.

Через тонкий латекс перчатки экран воспринимал команды хуже, но все-таки послушно высветил список последних вызовов.

– А у нас есть предполагаемое время смерти?

– От половины третьего до половины пятого утра, точнее пока сказать не могу, – угрюмо отозвался Логинов.

– Последний раз с ее телефона звонили в 3.35, – заметил Соболев. – Но вызов остался без ответа. На тот же номер звонили примерно за час до этого и разговор длился тридцать восемь секунд.

– И кому звонила погибшая? – неожиданно поинтересовался над его головой бодрый голос Петра Григорьевича, присоединившегося к коллегам.

– Некой Юльке. Если, конечно, это она звонила. Надо узнать у Юльки, пожалуй.

Соболев ткнул в иконку вызова номера, но звонок тут же сорвался.

– Здесь прием никакой, – заметил следователь, давая понять, что он все же следит за происходящим вокруг, а не только скребет ручкой в протоколе. – Как в бункере. Лучше с улицы звонить.

– Отпечатки, – строго напомнил Логинов, когда Соболев осторожно взял смартфон за края, чтобы выйти с ним на улицу.

– Я буду нежен и осторожен, – торжественно заявил тот.

В коридоре он вновь едва не провалился в дыру в полу, в последний момент удержал ногу и поставил в другое место.

Сигнал появился еще в паре шагов от выхода, Соболев сразу вызвал интересующий его номер и включил громкую связь, чтобы не прижимать телефон к уху, оставляя на нем лишние следы.

– И где тебя черти носят? – раздраженно спросила трубка после нескольких гудков.

Соболев даже остановился на мгновение, удивленно вскинув брови.

– Это Юлия? – уточнил он.

– Да. А вы кто? – после небольшой паузы ответил теперь уже не раздраженный, а заметно испуганный голос.

– Капитан Соболев, полиция, – сообщил он, выходя на улицу и щурясь от яркого солнечного света. – Полагаю, вы знакомы с владелицей этого номера – Ириной Рязановой?

– Да. Она моя подруга. С ней что-то случилось?

– Где вы сейчас находитесь? – поинтересовался Соболев, отворачиваясь от солнца и шагая вдоль облупленной стены дворца. – Мы хотели бы подъехать, поговорить с вами.

– Я на работе, – девушка без запинки назвала адрес магазина в центре города, который Соболев хорошо знал. – А что все-таки случилось?

Наверное, не стоило этого говорить по телефону, лучше сообщать такие вещи, глядя человеку в глаза, но он все же не стал тянуть:

– Ваша подруга погибла этой ночью.

На том конце ахнули и, кажется, едва не выронили трубку.

– К...как? Как погибла? – сдавленно переспросила готовая расплакаться Юля.

– Мы сейчас подъедем и все вам объясним, – пообещал Соболев, сам не замечая, как дошел до угла здания.

Он нажал на сброс, продолжая аккуратно держать смартфон за бока. Оторвавшийся от экрана взгляд тут же зацепился за то, чего просто не должно было быть впереди, среди деревьев. Нет, там действительно пролегла узкая дорога, на которой едва ли разошлись бы две машины, но ведь въезд на территорию усадьбы был закрыт... Если только его не успели открыть. Но почему-то Соболеву показалось, что машина – тонированный черный БМВ – стоит тут уже некоторое время, а не приехал только что.

Соболев прищурился, пытаясь рассмотреть людей в салоне. Стекла были лишь затемнены, а не закрыты непроницаемой тонировкой полностью, поэтому ему удалось увидеть, что в машине как минимум двое: водитель и пассажир на заднем сиденье. Однако больше не позволяли разглядеть неудачно падающие солнечные лучи, бликующие на стеклах.

Стоило сделать шаг вперед, к машине, как у той ожил двигатель. Водитель торопливо развернулся и поехал прочь, Соболев едва успел подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть номер. Запомнить его целиком не удалось, он торопливо вбил свободной рукой в собственный смартфон только три цифры и регион. Номера у машины оказались московскими.

Глава 4

3 сентября 2016 года, 19:23

г. Шелково, Московская область

Юля возвращалась домой, не разбирая дороги и не замечая ничего вокруг. После разговора с полицейскими она впала в такую протрацию, что ее пораньше отпустили с работы. Толку от нее в магазине все равно не было.

Они приехали примерно через полчаса после звонка. Алексей, узнав, что случилось, и услышав про полицию, испарился, не прощаясь. А может быть, он и попрощался, просто Юля не услышала. Она уже после звонка перестала находить себе место, но какое-то время в ней жила слабая надежда на то, что это какая-то ошибка или глупый и очень жестокий розыгрыш.

Но потом полицейские появились в магазине. Парочка, словно сошедшая с экрана телевизора: один пожилой (по мнению Юли), невысокий и пузатый с нелепо торчащими в разные стороны ушами, другой моложе и гораздо симпатичнее – высокий, крепкий, с неожиданно мягким, сочувствующим взглядом.

С разрешения менеджера Юля проводила их в подсобные помещения, где находились склад, кабинет руководства и комната отдыха персонала. Там и говорили.

Полицейские расспрашивали об Ире, об их отношениях, о ее ночном звонке. Юля старалась отвечать четко и по делу, ничего не утаивая, но все равно сбивалась и путалась, а иногда просто замолкала, почувствовав, как спазм сжимает горло. И сама удивлялась тому, что до сих пор не ревет в три ручья. Наверное, она до конца так и не поверила в происходящее, все еще считала, что это ошибка или дурной сон.

Ее внимательно слушали, не перебивая и не пытаясь поймать на противоречиях или запутать. Более молодой полицейский заметно удивился, когда Юля упомянула службу эскорта и вечеринку, на которую собиралась Ира. Пожилой только тихо хмыкнул и что-то записал себе в блокнот, как будто ничего другого от Иры и не ожидал. Юлю это покорило, но она промолчала. Может быть, он просто уже слишком долго работает и всякого наслушался, потому его ничто и не удивляет?

– А название агентства, через которое работала ваша подруга, не знаете? – поинтересовался полицейский помоложе. Кажется, это он представился как капитан Соболев еще по телефону. Он и при личной встрече представился, даже по имени-отчеству, но Юля не запомнила.

Она покачала головой.

– Я и о том, что она там работает, узнала буквально накануне, раньше Ирка о таком не упоминала. Она, наверняка, и работала там не так давно. Она стала регулярно отдавать мне свои смены и тратить заметно больше, чем мы тут зарабатываем, в начале лета. Весной тоже случилось, что она просила выйти за нее, а не поменяться, но я думала, дело в учебе.

Соболев кивнул, а его напарник снова что-то черкнул в блокноте.

Они задавали еще какие-то вопросы: о семье Иры, об известных Юле конфликтах, но та не смогла ответить ничего внятного. Семья как семья, а Ирка хоть порой и вела себя как стерва, с людьми в целом ладила и врагов не имела. Станным показался вопрос о том, увлекалась ли подруга оккультизмом или чем-то в этом роде. Юля растерянно пожала плечами.

– Она читала гороскопы, как и все. Раньше, еще в школе, мы иногда гадали на суженного или вызывали Пушкина в темной комнате... Обычные детские игры. Никто из нас особо в это не верил.

– И вам не показалось странным, что она решила на ночь глядя поехать в Грибово, чтобы спросить о будущем у портрета? – поинтересовался Соболев.

Юля застыла, не мигая глядя на него.

– А ее... Она там погибла, да?

Следом ее накрыло внезапное осознание, и Юля, непроизвольно повысив голос, истерично добавила:

– Когда? Во сколько это произошло?

Полицейские переглянулись, старый едва заметно качнул головой, и Соболев ответил уклончиво:

– Точное время смерти пока не определено.

– Она звонила мне. Еще раз где-то час спустя. Но я поставила телефон на беззвучный режим и не услышала.

– Да, мы знаем. Это был последний вызов с ее телефона, – признался Соболев.

Сердце екнуло в груди и зашлось в безумном ритме. Юлю бросило сначала в холод, а потом сразу в жар. Она поняла – и взгляд Соболева это подтверждал – что именно тогда Ирка скорее всего и погибла. Вероятно, второй раз она набрала номер Юли, пытаясь позвать на помощь. Но телефон стоял на беззвучном режиме, потому что она его не услышала. И Ирку убили.

С того момента она больше ни о чем не могла думать. Навязчивая мысль крутилась в голове, распаяя чувство вины. Слабый голос разума пытался убедить, что это глупо, что она все равно ничем не смогла бы помочь, что Ире следовало звонить в службу спасения, а не ей, но это едва помогало. Юля впала в прострацию, бесконечно возвращаясь в воображении к ночному звонку, к тому, что и как следовало сказать Ирке. И что можно было бы сделать, если бы подруга смогла до нее дозвониться.

Слезам ее накрыло уже по дороге домой. В одно мгновение да с такой силой, что Юля едва не задохнулась. Слово кто-то резко ударил кулаком в солнечное сплетение, вышибая из легких воздух. Даже в глазах слегка потемнело, хотя это могло быть иллюзией.

Юля остановилась, схватилась за перила моста, по которому шла, и оперлась на них согнутыми в локтях руками, силясь сделать вдох. Получился громкий всхлип. Хорошо, что людей почти не было, а те единицы, что проходили мимо, не имели желания вмешиваться в Юлину драму, какой бы она ни была. Поэтому она могла просто плакать, почти не сдерживаясь, глядя сквозь застилающие глаза слезы на черную воду внизу, расчерченную золотыми дорожками – отражениями уличных фонарей.

Через какое-то время она успокоилась, вытерла лицо руками – сколько ни пыталась себя приучить, платки и бумажные салфетки в сумке никогда не таскала – и пошла дальше, к дому, низко опустив голову, чтобы никто не видел зареванного лица. Впрочем, никто все равно на нее не смотрел: никому не было дела.

Подходя к дому, Юля окончательно успокоилась. По крайней мере, ей так казалось. Только сердце в груди продолжало биться быстрее обычного, как будто она всю дорогу бежала, а не еле тащилась.

В подъезде, к счастью, никого не оказалось, на ее вызов грузовой лифт приехал пустым, почти исключая вероятность ненужных встреч с соседями.

Везение кончилось в последний момент: дверь с привычным скрежетом уже поползла закрываться, но неожиданно гроыхнула, остановилась и снова открылась. Быстрый – и от неожиданности немного испуганный – взгляд все прояснил: какой-то мужчина успел поймать дверцу и остановить лифт.

Он вошел и сразу шагнул в дальний угол. Юля продолжала смотреть в пол, все еще не желая продемонстрировать окружающим покрасневшее опухшее лицо.

– Нажмите восьмой, пожалуйста, – неожиданно попросил мужчина.

– Он нажат, – машинально отозвалась Юля, поскольку и сама ехала на восьмой.

Голос ее прозвучал простуженно: хрипло и «в нос». А в голове мелькнула раздраженная мысль о том, как порой невнимательны люди: сам, что ли, не видит, что нужная кнопка горит?

– Спасибо, – вежливо отозвался мужчина.

При других обстоятельствах Юлю наверняка заинтересовало бы, кто он и к кому едет, ведь на своей площадке она так или иначе знала в лицо всех соседей, а мужчину видела впервые, но сегодня был не тот день. Она с трудом дождалась, когда лифт дополз до этажа, дернулся, останавливаясь, и снова открыл скрипучую дверь.

Из просторной кабины вылетела, как только щель позволила. На ходу вытащила ключи и торопливо вставила в замок сначала один, потом второй, спеша спрятаться в родной квартире.

Немного просчиталась, поскольку остаться наедине с мыслями и внезапно обрушившемся горем не удалось. Из кухни на звук открываемой двери уже шла мама, вытирая руки маленьким полотенцем.

– Ты чего так поздно? И на звонки не отвечаешь? Семка тебя с трех часов ждет, все глаза проглядел. Вы же погулять договорились... Что случилось?

Последний вопрос был задан уже совсем другим тоном: Юля наконец оторвала от пола взгляд и подняла на маму заплаканное лицо.

– Ирку убили, – с трудом выдавила она, чувствуя, как горло снова перехватывает от этих слов.

– Ох... – только и смогла выдохнуть мама.

А потом шагнула к Юле и обняла ее. Та снова расплакалась.

* * *

Стоя в лифте, Влад прислушивался к дыханию юной соседки. В том, что это именно девушка из квартиры напротив, он не сомневался: Игорь видел, как она вошла в подъезд.

Дышала она тяжело, контролируя себя, хотя сама едва ли это замечала. Старалась не шмыгать носом, но тот все равно заметно сопел, как у человека с тяжелой простудой. Или человека, который только что плакал.

Когда дверь лифта распахнулась, девушка стремительно вылетела в коридор, гремя ключами, извлеченными, скорее всего, из кармана куртки.

Влад торопиться не стал, но и трость решил не раскладывать: на этаже он быстро научился ориентироваться. Выйти из лифта, повернуть налево, пять шагов, дверь в общий коридор (обязательно переступить порожек), еще раз налево, здесь уже целых десять шагов, почти до упора. Его дверь снова слева.

Он мог пройти этот путь быстрее, но специально подождал, пока входная дверь соседской квартиры захлопнется за расстроенной девушкой. Только тогда он открыл дверь на этаж и дошел до своей, радуясь тому, что как минимум в этом конце коридора никто не имеет обыкновения выставлять в общее помещение свои вещи.

Звонок на этот раз нашелся сразу: Влад уже привык к тому, как именно нужно вытянуть и согнуть руку в локте, чтобы попасть прямо на мягкую квадратную

кнопку.

В квартире разлилась приглушенная стенами трель звонка и послышались шаги, щелкнул замок и петли едва слышно скрипнули. За мгновения до этого Влад успел шагнуть назад, чтобы дать дорогу открывающейся наружу внешней двери.

– Ты уже? – голос сестры прозвучал огорченно, заставив Влада удивленно приподнять брови.

Он-то полагал, что она будет недовольна его задержкой до самого вечера. Все-таки ей еще в Москву возвращаться, а он ушел на весь день, не взяв с собой ключи, чем, как считал, поломал ей все планы.

Шагнув в квартиру – снова осторожно переступив порог, за который можно зацепиться ногой, – и оказавшись на мгновение в объятиях Тины, поцеловавшей его в щеку, Влад понял, в чем дело. Запах знакомых духов смешивался с мятной жвачкой и едва уловимым ароматом алкоголя. Скорее всего, вина, красного, выдержанного, но насчет последнего Влад не был уверен на сто процентов.

– А ты еще не заскучала здесь? – удивился он вслух, делая вид, что ничего не заметил.

Пока говорил, нашел рукой небольшой комод справа, осторожно положил на него сложенную трость и темные очки, снял ботинки и оставил их на коврике, местоположение которого тоже успел запомнить. Повернулся, продолжая держаться рукой за комод, осторожно, медленнее обычного шагнул вперед и безошибочно попал в дверной проем комнаты.

– Помочь? – участливо поинтересовалась Тина, наверняка напряженно наблюдая за его неуверенными передвижениями.

Он не мог видеть ее взгляд, но чувствовал его.

– Нет, спасибо, нужно запоминать, что где, – отозвался Влад, все так же медленно добредая до дивана и опускаясь на него с некоторым облегчением.

– Как съездили? – поинтересовалась сестра.

По ламинату громыхнули, скрипнув, колесики офисного кресла, выдвинутого из-за стола. Подобное «рабочее место» в доме слепого человека едва ли было необходимо, но Влад при переезде настоял на нем, и никто не посмел убеждать его в том, что оно не нужно.

– Бестолково, – признал он, не вдаваясь в подробности. – Завтра поедем снова. Может быть, больше повезет.

Куда он ездил со своим водителем и зачем, Тина не знала, но задавать вопросов не стала. Вместо этого Влад услышал, как по письменному столу что-то быстро шаркнуло. По звуку это не было похоже на изящную ножку винного бокала, скорее на тяжелое дно большой кружки.

– Ужин и обед на завтра я приготовила, продукты в холодильнике разложила, как обычно, – сообщила Тина, меняя тему. – Может быть, мне остаться до завтра? Пока ты окончательно освоишься.

Влад снова удивленно приподнял брови.

– А Олег не заскучает без жены?

У сестры вырвался какой-то странный, но явно неодобрительный звук.

– Он едва ли заметит, что меня второй день нет. У них с Темой сейчас горячая пора: встречи, конференции, презентации. Иногда мне кажется, что Олег женился на нашем старшем брате, а не на мне, так удачно он влился в семейный бизнес...

Тина осеклась, наверняка поморщившись, но Влад только улыбнулся. Олег ворвался в их жизнь тогда же, когда он потерял зрение, и как только стал членом семьи, постепенно успешно заменил его при старшем брате. Свято место пусто не бывает.

– И все же, не стоит, – отозвался Влад. – Займись лучше собой или просто отдохни. Ты и так мне помогла с переездом.

- Уверен, что справишься здесь один?

В ее голосе слышались неподдельные волнение и забота, которые всегда грели сердце. Губы сами собой растянулись в улыбке.

- Пора учиться.

Влад не стал озвучивать, почему пора, сестра и так прекрасно знала, что зрение к нему уже не вернется. Крошечная возможность оставалась, но все врачи в один голос твердили: лучше освоиться с этой жизнью, чем рисковать лишиться всякой.

- К тому же, я не один, - добавил он бодро. - Со мной Игорь и к моим услугам вся сфера обслуживания.

- Которая в Шелково, конечно, цветет пышным цветом, - фыркнула Тина.

Но настаивать больше не стала. Колесики снова прокатились по полу, кресло скрипнуло, а Тина встала, забирая чашку со стола. Влад слышал, как она прошла на кухню, поставила ее в посудомойку, вернулась в комнату и снова подошла к письменному столу. Звуки почти стихли, сестра даже дыхание затаила, но чуткий слух Влада все равно уловил еще один крошечный шорох.

- Ты на машине? - уточнил он отстраненно.

- Да, стоит во дворе.

- Тогда поставь обратно бутылку и набери Игорю, он тебя отвезет.

Тина шумно вздохнула и нарочито резко, с громким стуком поставила бутылку на стол.

- Знаешь, иногда мне кажется, что ты со своей слепотой просто прикалываешься, а на самом деле прекрасно нас всех видишь.

- Набери Игорю, - упрямо повторил Влад. - Или я сам его наберу.

- И что, мне здесь машину оставлять? – капризно возразила Тина.

- Он отвезет тебя на твоей машине, а потом вернется своим ходом.

На это сестра ничего не смогла возразить, просто недовольно зашуршала вещами. Как будто это он заставлял ее пить!

- Может, тебя еще раз провести по квартире? – напоследок предложила она.

- Не нужно, – заверил Влад, поднимаясь, – просто убедись, что везде выключила свет.

Он проводил ее до двери, она снова чмокнула его в щеку и выпорхнула из квартиры. Тина всегда была легкой и порой казалось, что она летает, а не ходит. Такими он и представлял сейчас все ее движения.

Влад закрыл за сестрой дверь, оставив ключ в замке, чтобы не пришлось потом его искать. Вернулся в комнату, подошел к музыкальному центру, стоящему на комодке напротив дивана. У зрячих в таком месте обычно находится телевизор, а у него стояла аудиосистема. Влад был одним из тех людей, которые до сих пор пользуются компакт-дисками. Просто с ними и с кнопочным музыкальным центром было проще управляться на ощупь.

Он точно знал, в какой последовательности стоят диски в подставке. Выбрал третий сверху – сборник легкой классической музыки. Той, что не грузит мозг, а помогает расслабиться и не мешает думать.

Когда музыка зазвучала, переместился к шкафу, в котором стояли винные бокалы. Тина может пытаться обмануть его слух, но ему самому обманывать некого. И даже когда не видишь посуды, из которой пьешь, все равно очень важно, как ее ощущают руки и губы.

С бокалом Влад подошел к столу. Его движения были медленными, плавными, осторожными. К этой аккуратной медлительности он долго привыкал. В прежней жизни он всегда двигался стремительно, резко, но то время прошло и уже не вернется. С этой мыслью он постепенно смирился.

Теперь кресло скрипнуло уже под ним, когда он сел за стол. Рука нашла оставленную сестрой бутылку. Судя по весу и тому, как внутри плескалась жидкость, Тина уговорила почти половину. Влад сокрушенно покачал головой: и после этого она собиралась сесть за руль? Надо бы поговорить с Олегом или Артемом. Муж должен уделять внимание жене, а не только бизнесу. Наверное, Тина просто чувствует себя одинокой и брошенной, потому порой ведет себя неразумно.

В емкий бокал вино плеснулось на слух. Влад снова закупорил бутылку и отставил в сторону. Из ящика стола были извлечены блокнот и простой карандаш, которые жили там постоянно.

Чистый лист лег под правую руку, карандаш удобно устроился в пальцах. Вино – сухое, терпкое и, судя по всему, действительно выдержанное – приятно ущипнуло язык. Из колонок лилась музыка, печально стонущие скрипки ласкали слух. Острый кончик карандаша лениво царапал поверхность листа, а Влад все ждал, когда на него снизойдет «озарение», но ничего не происходило.

Голову забивали обрывочные воспоминания, словно что-то всколыхнуло их, давно похороненных где-то на дне сознания. Мокрое до черноты полотно асфальта снова летело под колеса, дворники время от времени смахивали с лобового стекла капли ненавязчивого дождя, небо впереди постепенно светлело. Шоссе, петляющее между невероятно высокими и наверняка очень древними деревьями, было пустынным. Часы на приборной панели показывали почти шесть утра. Радиоприемник уже вторую мелодию подряд убаюкивал слишком мягким джазом, и Влад помнил, как захотел сменить станцию, чтобы не задремать прямо за рулем.

А больше он не помнил ничего.

Глава 5

4 сентября 2016 года, 14:50

г. Шелково, Московская область

– Причина смерти, как ни странно, действительно утопление, – Димыч, он же Дмитрий Логинов, шлепнул на стол следователя, за которым уже примостился с чашкой чая и баранками Петр Григорьевич, папку со своим экспертным отчетом.

Следователь потянулся за папкой, но Соболев, от переизбытка энергии беспокойно шатавшийся по скромному кабинету, оказался проворнее: подцепил ее за секунду до того, как тонкие пальцы Велесова коснулись угрюмо-синего пластика.

– Она захлебнулась водой из реки? – удивленно уточнил он, пробегая глазами строчки отчета и игнорируя недовольный взгляд смешно надувшегося следователя.

– Так точно, – согласился Логинов, подтягивая к столу еще один стул, на котором и устроился.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но от реки до усадьбы минут десять бодрой ходьбы, – заметил Петр Григорьевич, размачивая в приторно-сладком и очень крепком чае очередную баранку.

– Это если по протоптанным дорожкам идти, – возразил Логинов. – А есть место, где река изгибается и подходит к усадьбе ближе, но там берег крутой и лес густой между дворцом и водой. Зато дойти можно минут за пять. Но это не так важно: тело после смерти не перемещали, то есть, погибла девушка в том же помещении, где ее нашли.

– И как именно она могла нахлебаться речной воды во дворце? – поинтересовался Велесов.

Логинов повернулся к нему с невероятно серьезным выражением лица, которому Соболев даже немного позавидовал. Он на нового следователя без улыбки смотреть не мог, хотя тот работал с ними уже с полгода и даже успел показать себя толковым парнем. Проблема была в том, что он оказался самым молодым в следственной группе – ему едва исполнилось двадцать восемь, а щуплая комплекция, небольшой рост и слабенькая растительность на лице заставляли его выглядеть моложе лет на десять. Или хотя бы на восемь.

– Скорее всего, убийца принес воду с собой и утопил жертву в ней. В крови Рязановой просто нереальное количество алкоголя. Проще говоря, она была мертвецки пьяна в момент гибели, вероятно, не осознавала происходящее. Убийце достаточно было сунуть ее голову в ведро или вливать воду в рот, пока девушка не захлебнется. Судя по положению и состоянию тела, я ставлю на второе.

– Ну и зачем вся эта дичь? – снова подал голос Петр Григорьевич, хотя в нем не слышалось ни капли интереса. Казалось, он просто изо всех сил пытается поддержать давно наскучившую ему беседу.

– Часть ритуала убийцы? – предположил Соболев, вопросительно глядя на эксперта. И тут же сокрушенно добавил: – Господи, неужели серийник? Только этого нам не хватало.

– Так, давай только заранее кипишь не разводить! – неожиданно строго велел Петр Григорьевич. – Пока ничто не указывает на серию.

– Но, как я понимаю, кое-что указывает на ритуальное убийство в рамках какого-то... культа? – с затаенным возбуждением, которое показалось Соболеву странным и нездоровым, поинтересовался следователь Велесов.

– Хм... Практика говорит в пользу того, что по-настоящему ритуальных убийств не бывает, – осторожно ответил Логинов. – Как правило, мы либо имеем дело с психом, который прикидывается сектантом, либо не имеем дело с убийствами. Большинство сект и общин создается с одной целью: обогащения организатора. Есть и те, кто просто тащится от контроля над другими и всеобщего обожания, но как правило если дело там и доходит до убийств, то их так не обставляют.

– Но ведь вы нашли на полу пентаграмму, – с нажимом напомнил Велесов. – Кстати, удалось ее в деталях рассмотреть?

– Да, я там продублировал отдельным рисунком, – Логинов кивнул на папку, которую Соболев по-прежнему держал в руках. – Но создается впечатление, что начерчена она была за какое-то время до убийства. За несколько часов или даже за сутки. Возможно, она вообще не имеет отношения к убийству.

– Как ты это определил? – удивился Соболев.

- Песок, – лаконично и слегка высокомерно изрек Логинов, делая паузу.

Сколько Соболев успел повидать экспертов, а все они любили, чтобы их упрашивали объяснить подробнее. Велесов не стал его разочаровывать:

- Что – песок?

- Песок намело поверх линий. Вы же видели там окна? Оттуда дует ветер, песчинки перемещаются по полу там, где нет преград. Эти песчинки я обнаружил поверх линий в разных частях пентаграммы. Даже там, где их не могло быть, если бы тело положили в круг сразу. Какое-то время пентаграмма была просто начерчена и ее заметало мелким песком несколько часов. Ее мог рисовать не убийца.

- Но тело лежало внутри, прекрасно вписывалось в звезду, – возразил Велесов, все-таки отобрав у оперативника папку и найдя в ней нужное изображение, – руки и ноги жертвы были раскинuty четко по лучам. Оно там помещалось.

- Минутное вдохновение? – предположил Соболев. – Убийца увидел пентаграмму, оставленную сатанинским шабашем, и решил положить тело на нее, чтобы запутать следствие.

- Шабаши – это у ведьм, – меланхолично поправил Петр Григорьевич, звучно прихлебывая чай, но никто не обратил на его слова внимания.

- А воду из реки он притащил тоже только для того, чтобы запутать следствие? – фыркнул Велесов.

Ответить никто не успел: резкий писклявый звонок внутреннего телефона помешал.

- Да? – бросил молодой следователь в трубку немного раздраженно.

Однако лицо его тут же просветлело, и после недолгого молчания он отозвался уже с большим энтузиазмом:

– Да, конечно, выпишите пропуска и пусть кто-нибудь проводит их ко мне. Мы ждем.

– Мы кого-то ждем? – удивленно поинтересовался Логинов, потрянув седой головой.

– Это... сторонние эксперты, назовем их так, – почему-то смутился Велесов. – Из Института Исследования Необъяснимого[1 - Подробнее о команде исследователей необъяснимого читайте в циклах «Нормальное аномальное» («Секретное досье») и «Секретное досье. Новые страницы».]

– Из чего? – переспросил Петр Григорьевич, не донеся до рта очередную баранку. Его глаза изумленно округлились, что на обычно невыразительном лице демонстрировало крайнюю степень замешательства.

Велесов неловко передернул плечами, почему-то тревожно обернувшись на Соболева, единственного, кто по-прежнему стоял и находился вне поля его зрения.

– Проще говоря, они занимаются всякой чертовщиной, как коммерческая структура, но поскольку государство выделяет им какие-то гранты, органам правопорядка в некоторых сложных ситуациях они помогают бесплатно, – скороговоркой выпалил он. – Я хотел, чтобы они взглянули на пентаграмму и сказали, есть ли в ней что-нибудь... А еще эта история с портретом, которую рассказала подруга убитой... В общем, хотелось бы понять, нужно ли идти по этому пути или все это туфта...

– А для нас это не очевидно? – насмешливо уточнил Петр Григорьевич. Забытая баранка так и висела в воздухе, нелепо застыв на полпути в рот.

– Я хотел бы послушать разные мнения, – заявил следователь, стараясь выглядеть уверенно и независимо. – Собирался просто послать им схему пентаграммы, но одна из их следственных групп оказалась сейчас в Москве, поэтому они предложили заехать к нам лично.

– Как мило с их стороны, – хмыкнул Соболев, обменявшись выразительным взглядом с экспертом Логиновым, который, судя по виду, как раз решал, обидеться ему на такое недоверие следователя или нет.

В дверь коротко постучали, и она тут же распахнулась, хотя никто не успел пригласить гостей внутрь, они вошли сами. Их было трое: первым вошел мужчина лет сорока с небольшим, за ним следовала неожиданно красивая блондинка, такую никто не ожидает увидеть в какой бы то ни было следственной группе, последним вошел мужчина лет пятидесяти, неприметной внешности, но по какой-то причине заставляющий нервничать любого, кто на него посмотрит.

В небольшом кабинете, где уже и так находились четверо, сразу стало тесно. Велесов приветственно вскочил на ноги, Логинов тоже поднялся с места, но более плавно. Последним встал Петр Григорьевич, прихватив со стола чашку и горсть баранок.

Следователь торопливо представил своих коллег, разошедшихся к стенам кабинета, чтобы освободить пространство гостям, и представился сам. Соболев удовлетворенно отметил, что по лицам прибывших пробежало замешательство, когда они узнали, что он возглавляет группу.

– Меня зовут Владимир Дементьев, – в свою очередь представился мужчина помоложе. – А это мои коллеги – Евстахий Велориевич и Лилия Петровна.

Велесов предложил им садиться и засуетился насчет третьего стула, но Дементьев заверил, что постоит, поэтому к столу сели только его старший коллега и дама. Суть дела Велесов изложил коротко, за несколько минут, особо не вдаваясь в подробности личности жертвы и сосредоточившись только на месте обнаружения тела, причине смерти и фотографиях пентаграммы. Оперативники и эксперт все это время угрюмо молчали.

– Грибово? – переспросил Евстахий Велориевич, едва только услышал название усадьбы.

– Вам знакомо это место? – удивился Велесов.

– Оно имеет большое культурно-историческое значение, так что да. К тому же, – он вдруг поправил очки на переносице, хотя они и так сидели идеально, – с ним связана одна интересная легенда.

– Про Хозяйку? – неожиданно для самого себя зацепился за эти слова Соболев.

И буквально почувствовал взгляд, которым одарил его напарник. Тяжелый такой, недовольный.

Евстахий Велориевич задумался на секунду, как будто вспоминая, и кивнул.

– Да, так порой называют якобы обитающий там дух. На самом деле она была крепостной, прислуживала в доме, но у нее случился роман с хозяином, он чуть ли не жениться на ней собирался, но, конечно, не женился.

– Конечно, – хмыкнула Лилия, которой Соболеву совсем не хотелось добавлять отчество. Имя – красивое и утонченное – красоте подходило, а простоватое отчество – нет.

– Деревенские считали девушку ведьмой и однажды, когда хозяин Грибово был в отъезде, утопили, – продолжил Евстахий Велориевич, как будто не услышав этой вставки. – Вернувшийся хозяин был безутешен и даже повесил в своей спальне портрет погибшей любовницы. У портрета его однажды утром и нашли, захлебнувшимся неизвестно откуда взявшейся водой.

– Речной? – напряженно уточнил Логинов.

– А вот этого тогда никто не стал проверять, – Евстахий Велориевич посмотрел на него с едва заметной улыбкой. – Но некоторые называли это «поцелуем смерти утопленницы». И с тех пор мертвую девушку регулярно видели, слышали или чувствовали в усадьбе. Когда ее портрет спрятали где-то в подвале, повесив лицевой стороной к стене, это прекратилось. Но житья с тех пор хозяевам там не было. Их преследовали кошмарные сны, несчастные случаи, болезни. В конце концов, семья была вынуждена продать усадьбу, но кто бы ее ни покупал, никто так и не смог долго использовать. Тогда и стали говорить, что теперь Настасья – так звали ту крепостную – единственная истинная хозяйка дома. Коей она и должна была стать, если бы хозяин на ней женился.

Соболев повернулся к Петру Григорьевичу, вяло хрустящему последней баранкой. Взгляд его красноречиво говорил, мол, все сходится: и женщина, обнаружившая тело, Хозяйку упоминала, и подруга жертвы похожую историю рассказывала. Напарник только пожал плечами, мол, мало ли кто чего

рассказывает, а какие ваши доказательства?

– Предположим, легенда действительно существует, – неожиданно серьезно заговорил Логинов, – но одно с другим никак не вяжется. Если речная вода в легких жертвы – отсылка к этой истории, то смысл послания не ясен. Убита девушка, вряд ли утопленница полезла бы к ней с поцелуями. И при чем тут тогда пентаграмма?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Подробнее о команде исследователей необъяснимого читайте в циклах «Нормальное аномальное» («Секретное досье») и «Секретное досье. Новые страницы».

Купить: https://tellnovel.com/ru/obuhova_lena/hozyayka-starogo-doma

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)